

В. В. Майко

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОЧНОГО КРЫМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X–XII вв.

Византийская археология является важнейшей составляющей при изучении всех сторон жизнедеятельности империи на всех этапах ее существования. За прошедшие годы накоплен огромный по объему материал, позволяющий проследить особенности материальной культуры разнообразных регионов, входивших в ее состав в различные хронологические периоды. Сказанное справедливо и по отношению к Крыму. В настоящее время для средневековой Таврики, исходя из степени изученности, эталонной является провинциально-византийская культура Херсонеса. Остальные регионы полуострова изучены значительно слабее. Наименее исследованным и введенным в научный оборот, в силу целого ряда обстоятельств, оказался восточный Крым. Данная работа призвана, в некоторой степени, восполнить этот пробел, тем более что за исключением отдельных разрозненных публикаций, в целом культура восточного Крыма X–XII вв. никогда не анализировалась. Таким образом, появляется возможность сравнения провинциально-византийской культуры Херсонеса и восточной Таврики. Хронологические рамки работы ограничены второй половиной X–XII вв., что для восточного Крыма сопоставимо с средневизантийским периодом. Урбанистические процессы, происходившие на этой территории полуострова в середине X в., привели к тому, что жизнь во второй половине X–XII вв. здесь активно продолжалась только в двух приморских портовых городах – Сугдее и Боспоре, что не могло не отразиться и на особенностях материальной культуры.

Описание провинциально-византийской культуры восточного Крыма рассматриваемого хронологического этапа логично начать с самого массового материала – керамики.

Предваряя описание тарной керамики, отметим, что крупные красноглиняные гладкостенные и реберчатые пифосы, столь характерные для салтово-маяцких памятников полуострова, в анализируемый период использовались реже. В основном это крупные сосуды с яйцевидным рифленным туловом и массивным т-образным уплощенным венчиком и аналогичные по морфологии изделия с гладким туловом. Выделить их характерные особенности по сравнению с пифосами второй половины IX – первой половины X вв. затруднительно. Сказанное справедливо и по отношению к фрагментам черепицы, обнаруженной в виде мелких фрагментов во всех горизонтах второй половины X–XII вв. Суг-

деи и Боспора. Известные на сегодняшний день черепицы и калиптеры рассматриваемого хронологического периода, аналогичные обнаруженным при раскопках южнобережных памятников, не имеют, на мой взгляд, существенных отличий от экземпляров предшествующего времени.

Вторым характерным отличием керамического комплекса второй половины X–XII вв. восточного Крыма в частности и всей Таврики в целом, является неоднократно отмеченное специалистами значительное преобладание т. н. высокогорлых кувшинов по сравнению с амфорной тарой, представленной в этот период исключительно импортными византийскими образцами. Это так же нехарактерно для салтово-маяцких памятников Крыма.

Все известные в настоящее время типы византийских амфор встречены и в восточной Таврике. Коротко охарактеризуем их.

Тип 1 – преобладающий в количественном отношении над другими, представлен оранжево и красноглиняными амфорами с венчиком в виде «отложного воротничка», грушевидным корпусом с небольшим перехватом и массивными уплощенными ручками¹. Они были достаточно широко распространены на территории Византийской империи, что неоднократно анализировалось в литературе. Наиболее представительная коллекция подобных амфор в юго-восточном Крыму получена благодаря подводным исследованиям в бухте пос. Новый Свет и у мыса Меганом².

Центр производства амфор типа 1 остается до настоящего времени невыясненным. Не исключено, что он был и не один. Исходя из того, что все же наиболее ранние находки встречены в регионе северо-восточного побережья Черного моря, можно предположить, что попасть туда они могли по направлению из Малой Азии через Кавказ и Тамань. Из малоазийского региона амфоры впервые появились в Крыму и лишь спустя 50 лет оказались на Балканах. По мнению В. В. Булгакова возможным центром их производства мог быть Трапезунд³. Большой процент подобных амфор в археологических комплексах Таманского городища и Боспора позволил В. Н. Чхаидзе даже выдвинуть предположение о возможном изготовлении на Тамани местного подражательного варианта воротничковым амфорам⁴. Основание для этого конечно есть. Действительно, клейма на этих амфорах за исключением единичных простейших кругов и овалов, отсутствуют. С другой стороны практически на каждый экземпляр наносилось сложное граффити. На других типах амфор их несравненно меньше. Значит, их производили в области не подконтрольной Константинопольскому эпарху. Как известно граффити ставились на товарах, поступавших на рынок из центров производства не связанных со столицей Империи. С другой стороны, наличие практически только на этом типе амфор единичных дипинти (в настоящее время в юго-восточном Крыму и на Тамани их известно три)⁵ свидетельствует о том, что в редких случаях товары, идущие в Таврику из Трапезунда, Константинопольским чиновникам удавалось как-то фиксировать и отмечать.

В средневековой Сугдее процент этих амфор чрезвычайно велик, примерно совпадая с Тмутараканью и Боспором. Согласно обоснованному мнению В. В. Булгакова, данные амфоры являются специфическим черноморским видом торговой тары. До 75% они составляют в керамических комплексах Херсонеса⁶,

Партенит⁷, Саркела⁸. До 98% составляют находки грушевидных амфор в материалах XII в. описанной Константином Багрянородным Кесарийской переправы на нижнем Днепре – транзитном пункте на торговом пути из этих причерноморских центров на Русь⁹.

Тип 2 – оранжевоглиняные амфоры с грушевидным рифленным ангобированным туловом, маленьким горлом и овальными в сечении ручками, расположенными под венчиком, наиболее часто в современной литературе называемые «сфероемкостными»¹⁰. Анализируемые амфоры получили широкое распространение, неоднократно проанализированное в литературе.

Центр их производства надежно локализован в районе Саркей и Газики на побережье Мраморного моря у подножья горы Ганос в 140 км к юго-западу от столицы Византийской империи, где они функционировали с первой половины – середины X до середины XIV вв.¹¹ В современной археологической литературе они подразделяются на два хронологических варианта: с овальным и клиновидным венчиком¹². Однако, это деление достаточно условно. Среди этих вариантов амфор присутствуют сосуды с клеймами. Для юго-восточного Крыма их обнаружено пока пять¹³.

Историография изучения процесса клеймения византийских амфор этого типа, обширна и не раз рассматривалась в литературе. Высказывались различные точки зрения о назначении и хронологии амфорных клейм, не раз приводились попытки их типологического членения. Последний раз проблематика, связанная с клеймением византийских амфор, рассмотрена в работах Е. А. Паршиной и В. Н. Чхаидзе¹⁴.

Как уже указывалось, на мой взгляд, контроль над производством и выборочное клеймление амфор осуществлял епарх Константинополя или чиновники его ведомства. Каждый из них, вне сомнения, имел собственную матрицу для клеймления сосудов, чем и объясняется разнообразие известных в литературе клейм. Штампы, помимо различных символических изображений могли содержать монограммы личного имени чиновника или царствующего императора, как это практиковалось в ранневизантийское время на серебряной посуде¹⁵. В нашем случае, на плечиках амфор, вероятно, были оттиснуты монограммы личного имени чиновника.

Тип 3 – желтоглиняные крупные рифленные амфоры с грушевидным туловом¹⁶. Отличительной их особенностью, помимо состава теста, являются массивные уплощенные ручки, отходящие непосредственно от края венчика. Последний, округлой формы, имеет ярко выраженный паз для крышки. Единственная дробная типология совокупности желтоглиняных этих амфор была предложена В. В. Булгаковым¹⁷, выделившим интересующие нас сосуды в отдельный наиболее ранний тип. В целом, данные амфоры редки для Таврики¹⁸. Центр их производства, как и территория распространения, пока окончательно не выяснены. По мнению И. В. Волкова, относящего эти амфоры к т. н. группе клейм «А В», возможным местом их производства является Гесперия либо Эгейский бассейн¹⁹. С такой точкой зрения не согласен В. Н. Чхаидзе, считающий, что производство этих амфор, несомненно, близких сфероемкостным, не обязательно связано с определенным центром²⁰. Уточнить происхождение амфор

сложно и по той причине, что во второй половине X в. эти амфоры, безусловно, встречаются. Однако выделить узкие хронологически комплексы, относящиеся к концу этого столетия, на материалах Сугдеи пока не представляется возможным. В юго-восточном Крыму амфоры типа 3 впервые появляются в поздних салтово-маяцких комплексах первой половины X в.

Тип 4 – небольшие по размерам амфоры (50–60 см высотой, максимальным диаметром 20–28 см), изготовленные из плотной хорошо отмученной глины бурого или красно-бурого бордового цвета с обильным включением чешуек слюды. Веретенообразный слегка рифленый корпус оканчивается небольшим округлым дном. Венчик уплощен и косо срезан, иногда с небольшим валиком. Горло расширяется в верхней части, петлевидные ручки уплощены и отходят от края венчика²¹.

В литературе эти амфоры обычно сопоставляются с конически-вытянутыми амфорами, хотя налицо и морфологическое их сходство с т. н. малыми желтоглиняными амфорами. Территория их распространения проанализирована достаточно полно²². Достаточно полно проанализированы и клейма на этих амфорах²³. По мнению В. В. Булгакова, они использовались, прежде всего, для транспортировки оливкового масла²⁴. Центр их производства так же остается пока не выясненным. Однако несомненная их морфологическая связь с маломерными желтоглиняными²⁵, может свидетельствовать и об одном центре производства.

На всех типах византийских амфор юго-восточного Крыма присутствуют разнообразные граффито, причем в очень больших количествах²⁶.

Решение проблемы граффито на средневековых крымских амфорах, как справедливо указывают многие исследователи, находится в настоящее время на стадии накопления материала²⁷. Вместе с тем, ни у кого не вызывает сомнений, что различные знаки и буквы на средневековой, прежде всего тарной керамике, являются ценным источником для реконструкции тех или иных аспектов жизнедеятельности оставившего их населения. В этом плане значительным шагом вперед явилась публикация всего свода граффито на тарной керамике из раскопок Партенит и их соотнесения с буквами греческого алфавита и типами амфор²⁸.

подавляющее большинство проанализированных граффито свидетельствует о знании жителями юго-восточного Крыма греческого языка как в период середины VIII – первой половины X вв., так и во второй половине этого столетия и середины следующего. Вместе с тем, на сосудах всех типов обоих хронологических периодов присутствуют и граффито в виде двузубцев и трезубцев, являющихся, по мнению большинства специалистов, тюркскими родовыми знаками.

С другой стороны, до сих пор сложно сказать, что именно обозначала эта знаковая система, помещенная на стенках и ручках сосудов. Нельзя не отметить в этой связи, что подавляющее большинство граффито зафиксировано все же на тарной керамике, поступавшей в Таврику с территории византийской империи. Не исключено, что все же большая часть граффито связана именно с организацией и осуществлением товарной деятельности.

Второй категорией тарной керамики являются хорошо известные для полуострова высокогорлые кувшины с ленточными ручками²⁹. Традиционно они рассматриваются в связи с четырьмя основными проблемами, типичным для любой категории керамики: территория распространения, морфологические особенности и типология, хронологические рамки бытования и центр или центры производства. В последнее время во всех этих проблемах достигнуты неплохие опубликованные результаты, что избавляет от повторений³⁰.

Материалы раскопок последних лет портовой части средневековой Сугдеи свидетельствуют о том, что в одном и том же закрытом комплексе существовали самые разнообразные варианты венчиков данных сосудов: от простого, с едва намеченным наружным валиком, до сложнопрофилированного с двойным профилированным наружным валиком. В настоящее время, обладая огромными коллекциями высокогорлых кувшинов, можно говорить о разнообразных морфологических типах тулова изделий, от раздутых приземистых до вытянутых узких. Однако строить, основываясь на этом, какие-либо хронологические типологии мне кажется преждевременно.

Археологические реалии со всей очевидностью доказывают, что для салтово-маяцких комплексов всех частей Крыма находки высокогорлых кувшинов значительно уступают местной амфорной таре. Вместе с тем, в рассматриваемый хронологический период они наоборот составляют большинство тарных сосудов. Из этого можно сделать пока только один вывод. Исчезновение массового местного производства амфорной тары является маркером увеличения процента высокогорлых кувшинов в геометрической прогрессии. Большинство исследователей согласно с тем, что центр или центры их производства находились на Таманском полуострове, возможно и на территории Керченского полуострова³¹.

Граффити на высокогорлых кувшинах встречаются относительно редко. Как и в случае с амфорной тарой, изучение их находится на стадии накопления материала. До настоящего времени, за исключением знаменитой сложной для атрибуции надписи на стенке кувшина из Тмутаракани, граффити на этой категории тарной керамики, происходящей из Тмутаракани и Саркела, в комплексе анализировались только в работе В. Н. Чхаидзе³². Помимо этого в последнее время разнообразные граффити на высокогорлых кувшинах тщательно проанализированы на материалах Партенит³³. Все встреченные на высокогорлых кувшинах юго-восточного Крыма граффити процарапаны по сухой глине.

Кухонная керамика. Самой выразительной частью керамического комплекса населения юго-восточного Крыма является кухонная посуда. Предпринятые в литературе попытки ее типологического членения³⁴ не исчерпывают всего многообразия данной категории керамики на территории Таврики. В основу типологии положен комплексный подход, базирующийся на особенностях функционального назначения, морфологии и технологии изготовления сосуда. Выделено три типа горшков, два типа ойнохой, три типа кувшинов, крышки и миски.

Знаки на тонкостенной кухонной посуде населения юго-восточного Крыма этого времени составляют отдельную крайне малочисленную категорию граффити³⁵. В основном это различные буквы греческого алфавита. Исключение

составляет подобный сосуд (горшок типа 3 по нашей типологии), происходящий из раскопок С. Б. Адаксиной на территории монастыря Святых Апостолов Петра и Павла в Партенитах. На его стенках примерно на уровне плечей присутствует трехстрочная греческая надпись, прочерченная по сырой глине, атрибутировать которую сложно³⁶. Граффити в виде трех греческих букв ΑΨΑ зафиксировано и на аналогичном тонкостенном сосуде из раскопок западного загородного храма Херсонеса³⁷.

На некоторых фрагментах сосудов разных типов и вариантов фиксируются хаотические пятна поливы, иногда, такие же пятна и полосы (подтеки). Исходя из этого, можно предположить, что кухонная керамика, обжигалась в одних печах с местной поливной столовой посудой. По мнению Е. С. Сорочан³⁸, для средневизантийского периода, как и более раннего, можно говорить об одновременном, параллельном существовании как узкоспециализированных мастерских, рассчитанных на производство строительной и тарной керамики, так и тех, где совмещали производство амфор со столовой и кухонной посудой.

Столовая посуда. Это сосуды, изготовленные из хорошо отмученной и обожженной глины светло коричневого, зеленовато-бежевого, но, чаще всего, бежевого цвета с мелкими примесями песка и извести. Поверхность в подавляющем большинстве покрыта сплошным лощением. Иногда лощение небрежное, в виде хаотических линий, образующих, подчас, ромбы. Территория распространения анализируемой керамики достаточно ограничена. В Крыму единичные целые формы известны только в Херсонесе³⁹, Керчи⁴⁰ и Партенитах⁴¹, в виде мелких фрагментов она зафиксирована на Мангупе⁴² и Алустоне. За пределами полуострова данная керамика встречена в причерноморских портовых пунктах, таких как Тмутаракань на Тамани⁴³, Несебр и Варна на Балканах⁴⁴. Кроме того, отдельные сосуды обнаружены в материалах крепостей, находившихся на пересечении важных водных речных магистралей. Яркий пример этого Саркел⁴⁵, древнерусская крепость Воинь⁴⁶, Диногоция в Румынской Добрудже⁴⁷.

В решении вопроса о прототипах данных сосудов необходимо, на мой взгляд, обратиться к материалам наиболее исследованных памятников Таманского полуострова, Таматархи и Фанагории. Именно там выделяется целая группа лощеных сосудов, изготовленных из бежевой или зеленовато-бежевой глины и покрытых ангобом оранжевого или красновато-оранжевого цвета⁴⁸. Именно эта керамика Тмутаракани и Фанагории, помимо находок на Северном Кавказе, и является той северокавказской подосновой, на которой возникают рассматриваемые кувшины.

В связи со сменой материальной культуры в юго-восточном Крыму в середине X в. эта керамика, вероятно, вместе с ее носителями и производителями начинает проникать с территории Таманского полуострова в эту часть Таврики. В Сугдее подобные сосуды обнаружены в виде отдельных мелких фрагментов⁴⁹.

Уже в Таврике под воздействием местных традиций эта керамика несколько видоизменяется морфологически и теряет присущую аланскую систему орнаментации. Пролощенный орнамент исчезает, и появляются различные вариации прорезного орнамента нанесенного по сырой глине. Это различные

сочетания треугольников и ромбов, выполненных двойной, реже одинарной линией с одним-тремя сомкнутыми или разомкнутыми концентрическими кружками на углах. Описываемые типы орнамента в некоторых случаях заполнены белой пастой. Известны и случаи нанесения граффито на поверхность сосуда. Последние представлены как характерными для тюрок тамгами (трезубец), так и разнообразными знаками и различными буквами греческого алфавита. Данный тип орнамента со второй половины X в. и на протяжении XI в. становится модным для населения Восточной Европы. До этого, подобная орнаментация на поистине огромном количестве известных к настоящему времени разнообразнейших столовых лощеных, кухонных и тарных сосудах салтовской культуры Подонья неизвестна.

Благодаря раскопкам последних лет, наиболее представительная коллекция рассматриваемой категории столовой керамики происходит из раскопок средневековой Сугдеи. Основываясь на особенностях морфологии и технологии сосудов, составляющих Судакскую коллекцию, была произведена предварительная попытка ее типологического членения⁵⁰.

Именно в этих частично видоизмененных морфологических формах с новой системой орнаментации, вошедшей в моду, она из юго-восточного Крыма экспортируется на широкие территории, в том числе на Тамань и Северный Кавказ.

Обязательной составляющей керамического комплекса является столовая поливная посуда, изготовленная из белой или розовой глины. Морфологическая типология белоглиняной поливной византийской керамики середины IX – начала XI вв. на материалах раскопок Коринфа и Константинополя разработана в общих чертах Ч. Морганом, Р. Стивенсоном и дополнена Д. Хейсом⁵¹. Можно считать установленным, что в Крым подобная посуда проникает примерно с середины IX в.⁵² Предпринятые в отечественной литературе попытки создания типологии данной керамики полуострова, в основу которых было положено либо различие орнаментальных мотивов⁵³, либо морфология сосудов⁵⁴, показали, что принципиальных различий между посудой датированной серединой IX – началом X вв., обнаруженной в салтово-маяцких комплексах Таврики, и посудой второй половины X–XI вв. из археологических объектов населения юго-восточного Крыма, не существует.

Раннегончарная кочевническая керамика в керамических комплексах населения юго-восточного Крыма второй половины X–XII вв. встречается в единичных экземплярах. Прежде всего, заслуживают внимания пять археологически целых форм, обнаруженных в портовой части Сугдеи и в заполнении жилого дома на территории городского квартала Боспора⁵⁵. Ближайшие им аналогии можно найти среди керамического комплекса т. н. балкано-дунайской культуры, лепной керамики печенежского круга⁵⁶, хотя для последней они, скорее, являются исключением, в горизонтах Тмутаракани постхазарского времени⁵⁷, в материалах раскопок Саркела – Белой Вежи⁵⁸.

К описанной выше категории керамики близко примыкает раннегончарная кухонная посуда другого облика, обнаруженная в заполнении жилого дома в портовой части Сугдеи⁵⁹. При этом, набор тарной и столовой керамики типич-

чен для материальной культуры города XI–XII вв. Ближайшие аналогии данной керамике присутствуют в кочевнических комплексах Саркела – Белой Вежи X–XI вв.⁶⁰, Тмутаракани⁶¹, а так же в подкурганых средневековых погребениях⁶². По мнению С. А. Плетневой, подобные горшки могли принадлежать проживавшим в городе кочевникам⁶³, вероятно, огузам или торкам.

Материалов для рассмотрения комплекса предметов вооружения и конского снаряжения, к сожалению, чрезвычайно мало, что, является одной из особенностей материальной культуры населения восточного Крыма, как и всей Таврики, средневизантийского периода.

Предметы, безусловно, относимые к вооружению, представлены наконечниками копий⁶⁴, топорами⁶⁵, наконечниками стрел⁶⁶ и кистенем.

Копья-пики широко известны в общепризнанных и проверенных временем типологиях А. Н. Кирпичникова и Ю. С. Худякова⁶⁷. Согласно последней обобщающей типологии А. Н. Кирпичникова и А. Ф. Медведева⁶⁸ они относятся к типу V, появление которого на вооружении древнерусских воинов авторы связывают с влияниями степного юго-востока. Однако уже в середине X в., а, в восточном Казахстане еще на рубеже IX–X вв.⁶⁹, они получают широкое распространение и становятся интернациональным оружием. В Подонье, в кремационных погребениях Сухогомольшанского, Красногорского, Нетайловского некрополей точные аналогии данным наконечникам неизвестны.

Обнаруженные топоры близки ранним древнерусским образцам середины X в. Исходя из хронологической таблицы С. А. Плетневой⁷⁰, топоры с коротким обухом и слегка отогнутым вниз лезвием в материалах Волжских болгар наиболее характерны для середины X в. Именно с этого времени начинается тенденция к оттягиванию лезвия топора вниз отчетливо проявившаяся в более позднее время. Добавим, что типологически близкие топоры происходят из материалов раскопок Плиски⁷¹, где, согласно археологическому контексту датируются не ранее второй половины X в.

В единственном экземпляре представлен такой достаточно редкий предмет вооружения, как костяной кистень. Наиболее известная аналогия происходит из раскопок Херсонеса⁷². Крымские аналогии можно продолжить и за счет типологически близкого кистеня обнаруженного на Мангупе⁷³. По справедливому мнению А. А. Душенко, основанному на многочисленных приведенных аналогиях, изделие может датироваться в рамках IX – первой половины XI вв.⁷⁴ В отличие от Судакского и Херсонесского изделий Мангупский экземпляр имеет не удлиненную, а скорее шарообразную форму, что может свидетельствовать о его более ранней дате⁷⁵. За пределами Крыма наиболее близкие аналогии известны в Подонье⁷⁶ и Болгарской Добружде⁷⁷, где датируются X–XI вв.

Наконечники стрел соответствуют типу Б1 по типологии Г. А. Федорова-Давыдова⁷⁸. В культурных горизонтах и заполнениях объектов встречены и круглые обработанные гальки, часть из которых могла служить снарядами для пращи.

Обнаруженные железные изделия, связанные с конским снаряжением, представлены единичными фрагментами удила, подпружными пряжками, разнообразными изделиями из кости.

Единственный целый экземпляр удила⁷⁹ относится к типу широко известному в древностях Восточной Европы X–XI вв.⁸⁰ С. А. Плетнева, уточняет, что подобные удила с подвижными кольцами диаметром до 5 см характерны для ранней кочевнических групп населения не позже середины XI в.⁸¹ В комплекс рассматриваемых предметов конского снаряжения входит и набор подпружных пряжек⁸². Аналогии им чрезвычайно многочисленны. Интересным предметом, связанным с верховой ездой, является полукруглое железное изделие являющееся составной частью т. н. железного замка от конских пут⁸³. Аналогии им хорошо известны в материалах Херсонеса, Подонья⁸⁴, древнерусских⁸⁵, болгарских Камских⁸⁶ и балканских⁸⁷ памятников. Вероятнее всего, эта категория изделий датируется широкими хронологическими рамками. Напомним, что экземпляр из постройки 2 Сахновского городища датируется, вероятно, не ранее первой половины XIII в.⁸⁸

К элементам конского снаряжения относится изготовленная из белой бронзы с позолотой крестовидная бляха от конского оголовья⁸⁹. Традиционно данные изделия использовались для украшения ремней оголовья на пересечениях налобного и наносного ремней с нащечными⁹⁰ и датируются XI в.⁹¹

Наиболее яркие, типологически близкие крестообразные разделители происходят из богатых кочевнических погребений Херсонщины⁹² и Донеччины⁹³, датированные серединой – второй половиной XI в. По мнению А. И. Кубышева и Р. С. Орлова, процесс развития наременной гарнитуры в XI в. шел как по пути дальнейшей разработки типов местных торко-печенежских сбруйных наборов, так и с ориентацией ремесленников на византийский стиль в орнаментальном декоре⁹⁴.

Встречены и бронзовые крючки с небольшим подвижным кольцом, относящиеся к т. н. «колчанным» крючкам, служившим в качестве крепежного приспособления на седле⁹⁵. Наиболее близкие аналогии известны на территории Волжской Булгарии⁹⁶.

К предметам конского снаряжения, конечно с известными оговорками, можно отнести и некоторые изделия из кости. Последние представлены ручками от нагаек или ножей⁹⁷, близкими изделиям из Херсонеса⁹⁸, костяными пластинами, типичными для тюркских древностей северо-причерноморских степей X–XI вв. и восьмеркообразными подпружными пряжками, нижний полукруг которых зачастую украшен гранями⁹⁹. В основном подобные изделия, обнаруженные как в кочевнических погребениях Крымской степи¹⁰⁰, так и в материалах поселенческих комплексов¹⁰¹, датируются эпохой раннего средневековья, однако, в отличие от Судакских экземпляров, они имеют четко выраженную нижнюю трапециевидную часть с прямоугольным отверстием. Для экземпляров же рассматриваемого хронологического периода характерна в основном восьмерковидная морфология с двумя округлыми отверстиями¹⁰². Типологически и хронологически близкий предмет известен в материалах древнерусского городища Воинь¹⁰³. Автором публикации, вслед за С. Боневым¹⁰⁴, он трактуется, как пряжка от седла.

Кроме упомянутых изделий довольно часто встречаются заглаженные рога животных, предназначенные для стреноживания коней. Подобные остроко-

нечники из отростка рога оленя получили распространения на древнерусских памятниках, однако, не являются там частой находкой¹⁰⁵. Уникальное подобное, тщательно отполированное и граненое изделие, обнаружено в портовой части Сугдеи в слое X–XI вв.¹⁰⁶ Рог украшен девятью орнаментальными поясами. Этому изделию близка находка из Киева, которая атрибутируется как ручка нагайки¹⁰⁷.

Земледельческие орудия труда представлены пока только теслами-мотыжками кельтовидной формы с втулкой. Их справедливо считают эволюционным развитием салтовских тесел-мотыг. Наиболее близки балканские аналогии¹⁰⁸, датированные первой половиной XI в.

Ремесленные предметы представлены пока только коллекцией галечных и железных тиглей, предназначенных для варки цветных металлов¹⁰⁹. Типологически близкие миниатюрные полусферические тигли предназначенные для варки низкопробного серебра с добавками меди, олова, свинца и цинка известны в материалах Гнездовского поселения¹¹⁰. Наиболее представительная крымская коллекция подобных тиглей происходит из раскопок Херсонеса¹¹¹, где датируется второй половиной X – первой половиной XI вв.¹¹²

Выделение категории бытовых предметов носит, безусловно, условный характер. Наиболее массовыми изделиями из железа являются разнообразные по величине ножи и кованые гвозди. Среди последних, можно выделить особо крупные экземпляры, предназначенные, возможно, для корабельного дела. Железные ножи представлены изделиями самой разнообразной формы и размеров. В последнее время детальная их типология на примере Херсонеса разработана Е. А. Денисовой¹¹³. Автором, в частности, выделено четыре типа изделий, из которых три наиболее характерны для средневизантийского времени. Именно к ним и относится подавляющее большинство Судакских экземпляров. В портовой части Сугдеи в полуподвальном помещении А обнаружен вытянутый узкий железный молоток. Он имеет определенное сходство с балканскими экземплярами X–XI вв.¹¹⁴

Редкими для рассматриваемых памятников восточного Крыма являются находки железных замков и запирающих их пластин¹¹⁵. Замки представлены изделиями с цилиндрической конической трубкой с четырьмя приваренными ребрами жесткости и путными цилиндрическими замками с приваренным ушком для вставки скобы-пути. Наиболее близкие аналогии середины X в. происходят с территории Волжской Булгарии¹¹⁶, Руси¹¹⁷ и Подонья¹¹⁸.

Третий тип замков представлен небольшим изделием с полым корпусом в виде усеченного конуса с припаянной к основанию плоской пластиной¹¹⁹. Эти замки, являющиеся эволюционным развитием двухцилиндровых замков, проявляются на Руси очень поздно, только с XV в. Однако, наличие пластины, припаянной к корпусу, сближает анализируемое изделие с прототипами, например, из IV Старокуйбышевского селища¹²⁰. Тем не менее, находка подобного замка в столь ранних горизонтах ставит вопрос об их появлении уже во второй половине X–XII вв. В этой связи интересны подобные замки из недавних раскопок древнего Киева. Так, из заполнения подвала по ул. Большой Житомирской происходят изделия всех выделенных нами типов, которые

датируются второй половиной XII – первой половиной XIII вв.¹²¹ Коллекцию запирающих изделий дополняют находки железных массивных и бронзовых ключей. Древнерусские их аналогии происходят с территории Черниговского детинца¹²² и Киева¹²³.

Отметим и находки фрагментов скобелей или кресал. Согласно современным типологиям, кресала этого типа следует относить к наиболее распространенным калачевидным изделиям с треугольным язычком¹²⁴. Они имеют широкие хронологические рамки существования, но появляются в Таврике не ранее второй половины X в. и существуют до конца XII в., постепенно трансформируясь в овальные.

Коллекцию бытовых предметов дополняет и железный топор, относящийся к варианту топоров-тесел или клевцов¹²⁵. Типологически близкие изделия обнаружены в первую очередь среди погребального инвентаря кавказских некрополей по обряду трупосожжения (Борисово) и ингумационных (Молдавановский)¹²⁶. Подобные бытовые топоры-тесла известны и в позднесредневековых древностях Крыма, например, Алустана¹²⁷ и Херсонеса¹²⁸, где датируются не ранее XIII в.

В единственном пока экземпляре обнаружены в зольнике Сугдеи железные ножницы. Самыми многочисленными изделиями из камня являются разнообразные оселки, имевшие, вероятно, многофункциональное назначение. Среди них выделяется два экземпляра, происходящие из зольника Сугдеи, изготовленные из серо-зеленого овручского пиррофиллита с значительной примесью хлора.

Подавляющее большинство пряслиц изготовлено из тщательно обработанных стенок амфор. В единичных экземплярах обнаружены пряслица, выполненные из стенок высокогорлых кувшинов и сланцевые¹²⁹. Необходимо остановиться отдельно на находках пиррофиллитовых прясел. В настоящее время только в Сугдее в разнообразных комплексах их обнаружено семь штук¹³⁰. Нижняя хронологическая их дата справедливо относится не к XI–XII вв.¹³¹, а к середине X в.¹³² Известны и другие ранние древнерусские прясла с правобережья Среднего Поднепровья¹³³, Киевского подола¹³⁴ и Волжской Булгарии¹³⁵.

К бытовым изделиям относятся и тщательно обработанные керамические пробки различного диаметра и толщины, массивные т. н. бронзовые наперстки большого размера с широким отверстием¹³⁶, бронзовые иголки и бронзовые наперстки классического варианта¹³⁷.

Исключительный интерес представляет серебряный гигиенический набор, состоящий из копоушки, ногтечистки, зубочистки, которые прикреплены к ажурному колечку и заключены в обоймицу. Он с равным основанием может быть отнесен и к бытовым предметам, и к украшениям. Точные аналогии ему мне не известны.

Отдельного рассмотрения заслуживает такая редкая категория бытовых находок, как деревянные гребни¹³⁸. Среди наиболее близких крымских аналогий следует упомянуть находки Эски-Кермена¹³⁹ и Симеизского склепа 1955 г.¹⁴⁰ Деревянные гребни в единичных экземплярах известны при раскопках Скалистинского могильника, Херсонеса и Боспора¹⁴¹, печенежского погребения

ния X–XII вв. в деревне Матвеевка в Северном Крыму¹⁴² и некрополя X–XII вв. в с. Заречное Симферопольского района¹⁴³. Со второй половины X в. гребни, прежде всего, костяные, но и, конечно, деревянные, становятся одним из маркеров восточноевропейской моды. В следующем столетии они получают широкое распространение. Наибольшее распространение деревянные гребни получили все же на территории Древней Руси¹⁴⁴.

Достаточно часто встречены и астрагалы с отверстиями, заглаженными краями, служившие в качестве игральные фишек. Отдельную категорию находок составляют астрагалы с различными знаками. Совершенно аналогичную игровую практику у населения не только Крыма, но и Древней Руси давно подметили специалисты. Существование двух основных разновидностей игровых астрагалов: сточенных и залитых свинцом, связывается исследователями с двумя разновидностями игры¹⁴⁵. Существует точка зрения, связывающая использование астрагалов с одним центральным отверстием в качестве шумящих или, даже, ремесленных приспособлений¹⁴⁶. Нет сомнений в том, что, в отличие от славянского периода, в эпоху Киевской Руси астрагалы, даже со знаками-граффити использовались, прежде всего, в игровой практике.

Главным градообразующим фактором приморских памятников юго-восточного Крыма Сугдеи и Боспора, являлся порт. Благодаря подводным исследованиям в бухте средневековой Сугдеи, мы располагаем уникальным для юго-восточной Европы набором предметов, позволяющих впервые частично восстановить механизм функционирования порта.

Наиболее массовыми являются находки свинцовых колец. Согласно современным разработкам, их можно разделить на округлые в сечении, плоские, конусовидные, конусовидно выпуклые и втульчатые¹⁴⁷. По мнению В. В. и В. И. Булгаковых они использовались, прежде всего, для пломбирования и опечатывания товарных грузов¹⁴⁸. Одним из критериев для их датировки средневизантийским временем являются древнерусские¹⁴⁹ и поволжские аналогии¹⁵⁰.

Помимо товарных колец, второй группой находок является небольшая коллекция элементов весов. Отметим три коромысла от простейших рычажных весов, изготовленных из бронзы. К элементам рычажных весов относится и чашечка, представляющая собой тонкий, квадратный лист меди, углы которого загнуты, для придания ему чашеобразной формы, с четырьмя отверстиями для подвешивания. Данные предметы торговли, в частности неглубокие чашечки для весов, диаметром 5–5,5 см¹⁵¹ и простейшие коромысла для весов¹⁵² в средневизантийский период получают чрезвычайно широкое распространение не только в морских портовых городах, но, и в отдаленных от моря поселениях, находившихся на протяжении Волжского торгового пути¹⁵³.

Особую категорию находок составляют разнообразные весовые гири. Наиболее примечательными и поддающимися датировке экземплярами являются квадратные бронзовые гири. Наибольший процент составляют круглые бронзовые изделия. Почти все они орнаментированы концентрическими окружностями с точкой в центре. Весовые их характеристики отличаются разнообразием.

На некоторых из подобных изделий прочерчены греческие буквы, вероятно, обозначавшие вес.

Другую категорию гирек образуют бронзовые экземпляры чашеобразной формы. Они хорошо известны благодаря раскопкам в Херсонесе и на Балканах¹⁵⁴. Исследователями установлено, что данные весовые гири разных размеров и, соответственно, веса, соответствовавшие средневизантийской весовой системе, вкладывались стопочкой одна в другую, составляя стандартный весовой набор. В материалах Херсонеса, балканских памятников и центральных провинций византийской империи эти стопочки накрывались специальными колпачками.

Помимо описанных выше видов бронзовых гирь, основную массу Судакской коллекции этих изделий составляют свинцовые экземпляры самых разнообразных размеров и веса. Присутствуют в ней и треугольные изделия с желобком в центре, в основании которого сохранились фрагменты сильно корродированного железа. Не исключено, что последние могли служить и элементом весов.

Вероятно, с деятельностью Судакского порта связаны и находки небольших свинцовых штампов для пломбировки грузов. Большая часть из них представляет собой свинцовые полусферические или конусовидные изделия с петлей для крепления или проушиной, выполнявшей и функцию ручки. Данные достаточно примитивные экземпляры наверняка использовались в повседневной жизни порта достаточно часто. Известны и штампы, имевшие более высокую художественную ценность, вероятно, чиновников более высокого ранга.

При проведении подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи обнаружено значительное количество свинцовых слитков. Основная масса представляет собой прямоугольные пластины различного веса. Выделяется свинцовый слиток, частично копирующий т. н. гривны киевского типа. Безусловно, весовые характеристики у них разные.

К изделиям мелкой византийской свинцовой пластики относятся и т. н. пластины-пломбы. Это небольшие богато орнаментированные изделия. Орнаментальные мотивы достаточно однообразны и представлены четырехлепестковым цветком с рельефными точками или дугами между лепестками, заключенном в двойную окружность. В ходе исследований все они были обнаружены свернутыми в трубочку. Вероятнее всего, эти изделия так же играли роль товарных пломб и непосредственно связаны с деятельностью Судакского порта.

Активную деятельность порта Сугдеи подтверждает и уникальная пока для юго-восточного Крыма находка серебряной шестиугольной монетной гривны т. н. Киевского типа¹⁵⁵. О деятельности Судакского порта свидетельствует и уникальная для средневекового городища находка фрагмента железного якоря. Его форма наиболее близка типу А по типологии Герхарда Капитана¹⁵⁶. Однако несомненные общие черты он демонстрирует и с якорями типа Е, только рога в данном случае не опущены вниз, а под таким же углом подняты вверх. Решающее значение для датировки имеют находки якорей среди скопления материала второй половины X–XI вв. в Новосветовской бухте и у мыса Меганом¹⁵⁷. Дополнительную интересную информацию о конструкции якорей средне-

византийского периода дают находки свинцовых моделей якорей, обнаруженные в ходе подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи.

При анализе украшений главное внимание следует уделить тем предметам, которые являются индикаторами моды второй половины X–XII вв. и которые можно использовать в качестве хронологических индикаторов. Среди них первое место принадлежит стеклянным браслетам.

Специалистам по византийской археологии хорошо известно, что эта категория украшений является одной из наиболее массовых при археологических исследованиях провинциально-византийских и византийских центров. Это справедливо и по отношению к византийскому Крыму.

Ориентируясь на способ изготовления, все браслеты традиционно разделяются на три основные группы. На многих экземплярах присутствует орнамент, получивший условное название «византийской лозы»¹⁵⁸. На сегодняшний день внутри этих групп можно выделить некоторые стабильные морфологические типы. Пока их известно 8, включающие от 2 до 5 вариантов.

По поводу времени появления стеклянных браслетов в Северном Причерноморье высказаны две основные точки зрения. Согласно первой, это произошло во второй половине или рубеже IX–X вв.¹⁵⁹ При этом многими авторами время появления стеклянных браслетов обоснованно связывается со временем прекращения функционирования салтово-маяцкой культуры. Согласно второй точке зрения, это случилось не ранее второй половины X в.

Все известные автору закрытые городские и поселенческие комплексы Таврики свидетельствуют о том, что ранее середины X в. стеклянные браслеты в них не фиксируются. Особенно показательны в этом плане материалы раскопок стеклоделательной мастерской в Старой Загоре (Болгария)¹⁶⁰. Обнаруженные там расписные браслеты встречены с монетами середины XI в. Позже этого времени мастерская не существовала¹⁶¹. Не ранее XI в. датируются и находки браслетов на территории Сербии и Паннонии¹⁶², где их появление связывается с византийским влиянием. Более того, материалы раскопок стекольных мастерских и памятников на территории центральных провинций Византийской империи и Константинополя свидетельствует, что все обнаруженные браслеты датируются не ранее середины X в.¹⁶³

Проблема времени появления стеклянных браслетов в Причерноморье напрямую связана с вопросом об их возможном производстве в Крыму и на Тамани. В пользу этого свидетельствует их чрезвычайно массовый характер. Можно согласиться с С. Б. Сорочаном в том, что в условиях небольшого эргастерия организовать такое производство было не сложно, а торговать выгоднее и удобнее, чем дешевой посудой¹⁶⁴. Однако если для Херсонеса такой вариант в качестве рабочей гипотезы рассматриваться может¹⁶⁵, хотя мастерские по производству стеклянных браслетов пока не обнаружены, то для остальных городских центров Таврики и Тамани, на мой взгляд, даже в качестве предположения, этот вариант анализировать пока нет оснований.

Не менее сложно определить верхнюю хронологическую границу существования браслетов. Во всяком случае, в материалах второй половины XIII в. они встречены в виде отдельных мелких фрагментов. Основная масса обнаруженных

и типологизированных браслетов, известных в материалах Золотоордынских памятников¹⁶⁶, отличаются от византийских. Данное утверждение справедливо и по отношению к браслетам Древнерусского производства.

Из других стеклянных изделий заслуживают внимания фрагменты разнообразных сосудов¹⁶⁷. Они плохо реконструируются из-за сильной фрагментарности находок. Тем не менее, все они имеют аналогии в синхронных древностях полуострова, Тмутаракани¹⁶⁸ и на территории Византии.

Бронзовые браслеты морфологически делятся на три группы. Первая, наиболее массовая, представлена уплощенными экземплярами с заостренными концами¹⁶⁹. В Крыму, как и на всей территории Восточной Европы, они имеют широкие хронологические рамки бытования VIII–XIII вв.¹⁷⁰ Исходя из того, что большинство их обнаружено в комплексе со стеклянными, следовательно, в рамках XI – первой половины XII вв. они также существуют.

Вторую группу составляют орнаментированные детские браслеты с заостренным одним и расклепанным или уплощенным другим концом¹⁷¹. Аналогии им известны в Крыму¹⁷², на Балканах¹⁷³ и Руси¹⁷⁴.

Третью образуют витые экземпляры с застежками в виде крючка и петельки, украшенных выступающими ушками¹⁷⁵. Аналогии им известны практически на всех средневековых памятниках Восточной Европы. Особенно часто они встречаются на Балканах¹⁷⁶, где датируются в рамках XI–XII вв.

В средневизантийское время получили распространение и составные браслеты, состоящие из веревочной или нитяной основы, на которую были надеты тонкие бронзовые пронизки. Между этими пронизками на указанную основу надевались средние и мелкие округлые бусины¹⁷⁷.

Серьги представлены в основном бронзовыми парными проволочными кольцами разных размеров и морфологии с разомкнутыми острыми или округлыми концами, иногда соединенными, или заходящими один за другой, но не спаянными. Аналогии данному простейшему виду серег чрезвычайно многочисленны и встречены в материалах памятников юго-восточного Крыма разных хронологических эпох. Например, наиболее полная публикация серег и колец Преслава приведена в работе Т. Михайловой. Автор отмечает, что в материалах Балканских памятников численное преобладание височных колец характерно как раз для периода второй половины X–XII вв.¹⁷⁸ Простые височные кольца разделены исследовательницей по морфологии на округлые, эллипсовидные и овальные¹⁷⁹.

Бусинные серьги представлены несколькими вариантами¹⁸⁰. Наиболее распространенный – обычное проволочное кольцо, на которое надета одна или две бусины. Большая коллекция подобных колец с нанизанными бусинами, в том числе подчеркнутыми витой проволокой, происходит из Херсонеса¹⁸¹. Подобные серьги получили широкое распространение на территории Восточной Европы, но наиболее типологически близкие экземпляры распространены на территории Македонии¹⁸², Добруджи¹⁸³, Руси¹⁸⁴, где датируются в рамках XI в. Реже встречены кольца с надетыми целыми или половинками металлических бусин, иногда в сочетании со стеклянными¹⁸⁵. Наиболее близкие аналогии происходят с территории Румынии и Молдовы¹⁸⁶.

Остальные серьги не образуют варианты и представлены единичными экземплярами. Исключение составляют две парные крупные проволочные серьги с уплощенными концами и биконической прорезкой, состоящей из двух спаянных половинок¹⁸⁷. В литературе утвердилось мнение об их степной половецкой¹⁸⁸ или черно-клубуцкой¹⁸⁹ принадлежности¹⁹⁰. Широко известны они и за пределами степи, на Балканском полуострове и в Подунавье¹⁹¹. По мнению С. С. Рябцевой, появление этих серег у половцев происходит в период походов степняков на Болгарию и Византию. После этого они получают широкое распространение на территории южнорусских степей. При этом исследовательница не исключает, что первые экземпляры колец могли быть изготовлены в Балканских ювелирных мастерских¹⁹².

Бронзовые и серебряные перстни представлены экземплярами с двух или четырехлапчатой плоской жуковиной со стеклянной вставкой, а так же с четырьмя стеклянными вставками, расположенными крестообразно вокруг пятой¹⁹³. Аналогии последним известны на Балканах¹⁹⁴ и на Руси¹⁹⁵. Бронзовые кольца представлены экземплярами, украшенными насечками.

Пуговицы-подвески и бубенчики традиционно разделяются на три распространенные и две относительно редкие группы. Первая представлена литыми грибовидными экземплярами разных пропорций. Вторая группа – литые вытянутые и шаровидные экземпляры и третья – вытянутые и шаровидные спаянные из двух половинок пуговицы, встречены в погребениях юго-восточного Крыма всех хронологических групп.

Отдельную категорию составляют литые орнаментированные крупные пуговицы-подвески, нижняя часть которых украшена вертикальными линиями или ромбовидным рельефным орнаментом. Это один из ярких маркеров восточноевропейской моды средневизантийского периода. Аналогии им многочисленны.

Одной из наиболее характерных и значимых для датировки находок в материальной культуре населения восточного Крыма являются литые бронзовые бубенчики с крестообразной щелью¹⁹⁶. Наряду со стеклянными браслетами и гранеными крупными пуговицами-подвесками, это еще один значимый хронологический репер и своеобразный маркер европейской моды XI – первой половины XII вв. Типологически близкие экземпляры можно разделить на два основных варианта.

Территория распространения бубенчиков с крестообразной щелью и орнаментацией в виде вертикальных линий чрезвычайно широка и включает практически всю территорию Восточной Европы. Типологии, включавшие этот вид изделий, разрабатывались, прежде всего, на основании Новгородских находок¹⁹⁷ или находок на северо-востоке Руси¹⁹⁸. Однако все авторы относили их ко второй половине X – началу XII вв.

Наиболее яркая вещь, относящаяся к надкадкам-медальонам, была исследована в заполнении плитовой могилы № 1 прихрамового некрополя на территории барбакана Судакской крепости¹⁹⁹. В настоящее время значительный массив типологически близких предметов можно условно разделить на три основные группы. Первая – кочевнические древности Подонья, Причерноморской степи

и Северного Прикаспия²⁰⁰. Второй массив аналогий – Подунавье и Балканы²⁰¹. Третий массив аналогий образуют некоторые древнерусские образцы²⁰².

Центр производства подобных накладок до сих пор не локализован. Тем не менее, в пользу Балканского производственного центра свидетельствует находка ремесленного объекта по изготовлению данных накладок, открытого в с. Новосел Шуменского округа Болгарии²⁰³.

Среди изделий мелкой византийской пластики отдельную группу составляют накладки из слоновой кости на деревянные шкатулки. Такие окантовочные пластины накладывались на деревянную основу по краям изделий и служили так же для разделения помещенных сюжетов²⁰⁴. Одна из них, с антикизирующимися изображениями, была обнаружена в Сугдее в 1929 г.²⁰⁵ Другая – происходит из заполнения постройки на участке квартала I Судакской крепости. Изделие украшено рельефными розетками, выполненными в технике барельефа, заключенными в круглые медальоны. Исходя из данных орнаментальных мотивов, шкатулки этого типа характеризуются как розеточные²⁰⁶. Основываясь на усилении графического элемента и отсутствии классических форм, шкатулки с подобной розеточной орнаментацией из Херсонеса считаются продукцией провинциальных мастеров и могут свидетельствовать о местном производстве²⁰⁷. В. П. Даркевич считал, что в XI–XII вв. в Херсонесе существовала мастерская косторезов, которые, первоначально подражая византийским образцам, затем наладили и собственное производство²⁰⁸.

Наиболее массовой категорией украшений являются бусы. К сожалению, до сегодняшнего дня типология крымских бус второй половины X–XII вв. практически не разработана. Пока можно предварительно говорить о трех хронологических типах ожерелий, значительно отличающихся по составу бусин.

К наиболее раннему типу ожерелий можно отнести экземпляры состоящие из глазчатых бус с рельефными линии, отделяющие один глазок от другого²⁰⁹. Традиционно такие бусы датируются в рамках второй половины X – первой четверти XI вв.²¹⁰ Помимо Крымского полуострова, они встречены в составе погребального инвентаря и древнерусских захоронений, в частности, некрополя возле Десятинной церкви²¹¹ и погребений курганного некрополя на Михайловской горе²¹², где так же датируются рубежом X–XI вв.

Следующий хронологический тип ожерелий состоит из нескольких наборов, отличающихся по составу бусин. Первую группу образуют ожерелья, основу которых составляют мелкие глазчатые «трехбугорчатые» бусы²¹³. Наиболее близкими аналогиями являются экземпляры и ожерелья, происходящие, как с территории городища²¹⁴, так и некрополя Саркела – Белой Вежи²¹⁵. Крымские²¹⁶, причерноморские²¹⁷, волжские²¹⁸, древнерусские²¹⁹ и Балканские²²⁰ аналогии им многочисленны. В закрытых комплексах, происходящих с территории Венгрии и Словакии, эти бусы встречены с монетами 60–70-х гг. XI в. С. Д. Захаров и И. Н. Кузина считают, что треугольные бусы на территорию севера Руси попадали из Волжской Болгарии, где закупались на рынках для продажи в древнерусских землях²²¹.

Вторую группу представляют экземпляры, где «трехбугорчатые» бусины встречены вместе с цилиндрическими «решетчатыми» бусами²²². Известны дан-

ные бусы в Саркеле²²³ и в составе ожерелий древнерусских памятников Северо-западной и Северо-восточной Руси, в частности, в древнем Новогрудке²²⁴.

Третья группа отличается присутствием глазчатых бус, характерных для первого хронологического типа и бус, изготовленных в технике кручения, с орнаментом типа «Миллефиори»²²⁵. На основании Саркельских и Булгарских экземпляров, правда, с более мелкими разноцветными точками²²⁶ и совершенно идентичного экземпляра из состава ожерелья некрополя Десятинной церкви в Киеве²²⁷ ожерелья третьей группы второго хронологического типа можно так же датировать в хронологических рамках общих для всего типа, т. е. не позже начала XII в.

Отличительной особенностью ожерелий третьего хронологического типа является отсутствие мелких глазчатых подтреугольных или уплощенных бусин с тремя глазками и большое разнообразие типов бусин, входящих в ожерелье. Датировать их в большинстве случаев можно только исходя из погребального комплекса, где они обнаружены. В нашем случае они датируются со второй половины XII и до второй половины XIV вв.

Элементы костюма представлены бронзовыми пряжками. Большую часть из них составляют маленькие обувные пряжки²²⁸. Аналогии им известны в материалах памятников Волжской Булгарии²²⁹ и на Балканах²³⁰. К элементам костюма относится и костяные застёжки. Во-первых, это пуговицы-застёжки «костылькового типа»²³¹. Помимо Херсонеса²³², подобные изделия широко известны на Руси²³³. Во-вторых, округлые костяные застёжки, часть из которых раскрашивалась в красный, розовый или зеленый цвет²³⁴. Наряду со стеклянными браслетами и бубенчиками с крестообразной щелью, это один из важных хронологических реперов и, вместе с тем, один из ярких маркеров восточноевропейской моды в рассматриваемый хронологический период. Как показывают археологические раскопки, данные предметы были многофункциональными и использовались как застёжки вообще²³⁵. Служили они и как элементы костюма, и как украшения, и как составная часть конской упряжи и воинского пояса кочевников. За пределами Таврики аналогичные предметы получили распространение в Волжской Булгарии²³⁶, материалах печенежско-торческих погребений Поросья²³⁷ и Северного Подунавья²³⁸, а так же в материалах крепости средневизантийского времени Хыршова в Румынской Добрудже²³⁹. Очень широкое распространение, прежде всего в городах, получили костяные застёжки и на территории Древней Руси. Косторезные мастерские по их производству обнаружены в районе Десятинной церкви древнего Киева²⁴⁰ и на околицах средневекового города²⁴¹. В качестве древнерусского импорта они известны и в материалах других древнерусских поселений²⁴², роменских памятников Курской области²⁴³. Несмотря на рыночный характер производства²⁴⁴, отмечены и подражания им, выполненные, безусловно, на месте в домашних условиях²⁴⁵.

Отдельного рассмотрения заслуживают костяные изделия в виде конического цилиндра со сквозным горизонтальным отверстием, заполненным вставкой из той же кости до начала обработки изделия. Подобные составные изделия наиболее известны в Таврике по материалам раскопок Херсонеса²⁴⁶ и Балкан²⁴⁷. Атрибутируются они либо как пуговицы²⁴⁸, либо как пряслица²⁴⁹.

Подобные экземпляры, происходящие из Коринфа, датируются не позднее середины XII в.²⁵⁰

Отдельную категорию находок составляют крупные перламутровые пуговицы, изготовленные из цельных раковин²⁵¹. Изделия орнаментированы прорезными линиями, расходящимися как солнечные лучи от отверстия в центре²⁵². Не исключено, что подобные изделия были составной частью ожерелья. Датируются они в широких хронологических рамках²⁵³.

Основную категорию изделий христианского культа составляют предметы византийского прикладного искусства. По справедливому мнению В. Н. Залеской, назначение памятников прикладного искусства не сводилось к декоративным или утилитарным функциям. В этой сфере деятельности, необоснованно получившей название «искусство малых форм», не было «малого», все было обусловлено личностным отношением человека к Богу²⁵⁴.

По мысли исследовательницы, процесс сложения и развития основных видов византийского прикладного искусства протекал во многом сходно с эволюцией монументальной живописи, иконописи и скульптуры, с использованием того же набора изображений и приемов их воплощения. Благодаря легкости перемещения небольших по размерам предметов прикладного искусства с их помощью происходило распространение образного строя «большого» искусства. По справедливому мнению исследователей, основное количество изделий византийской пластики Крыма составляют вещи каждодневного использования²⁵⁵. Наиболее крупным центром, где были зафиксированы предметы византийской пластики, остается Херсонес. Тем не менее, исследователями в списке культурно-ремесленных пунктов Крыма упоминается и Сугдея²⁵⁶.

Энколпионы представлены тремя основными группами изделий²⁵⁷. Древнерусские энколпионы составляют отдельные, в том числе миниатюрные экземпляры с рельефным или выполненным в технике черни изображениями и ранние изделия с округлыми окончаниями лопастей, отделенными серповидными выступами. Наибольшую по количеству группу образуют изделия, относящиеся к т. н. энколпионам с мелким изображением распятия и обратными (зеркальными) славянскими надписями.

Вторую этнокультурную группу энколпионов составляют изделия византийского происхождения. Они традиционно разделяются на две основные группы, с гравированным и рельефным изображением. Численно преобладает группа с гравированными изображениями, выполненными т. н. «штриховой» манерой²⁵⁸. Исходя из сложившейся в Византийской империи политической ситуации, способствовавшей оживлению торговых и культурных контактов, время их проникновения на относительно широкие территории, в том числе и на Крымский полуостров, относят к середине X в.²⁵⁹ Этим же временем, на основании нумизматического материала, датируют время появления подобных энколпионов на Балканах²⁶⁰ и на Руси²⁶¹. Находки гравированных и рельефных крестов в слоях XII–XIII вв. объясняются, чаще всего, длительным периодом их бытования²⁶².

Тремя экземплярами представлены и чрезвычайно редкие для полуострова Балканские экземпляры²⁶³, представляющие весь известный на сегодняшний день типологический ряд Никольских складней.

Следующую категорию находок образуют христианские медальоны. Это чрезвычайно разнообразная категория мелкой византийской пластики, так же с трудом поддающаяся типологии. Среди медальонов выделяются отдельные вещи, имевшие, несомненно, некоторую художественную ценность. Большинство же составляют свинцовые изделия, широко применявшиеся в повседневной жизни.

К первой малочисленной группе изделий принадлежат два медальона. Один из них, изготовленный из бронзы, с погрудным изображением двух Святых происходит из доордынского слоя на участке башни № 3²⁶⁴. Аналогии ему И. А. Баранов видел в медальоне из слоя разрушения мастерской на мысе Димитраки²⁶⁵. Второй медальон с изображением святого Димитрия Солунского²⁶⁶ аналогичен экземпляру из собрания Лувра²⁶⁷. Иконографический тип Димитрия Солунского окончательно сложился в Византии уже к XI в. Он типичен для иконографии Святых воинов²⁶⁸. Тем не менее, точка зрения об их венецианском происхождении и датировке не ранее начала XIII в. преобладает²⁶⁹.

Среди свинцовых медальонов выделяются изделия в виде восьмилистника с четырьмя крупными и четырьмя мелкими лепестками, обрамляющими круг. В круге с двух сторон помещены плохо сохранившиеся погрудные изображения Святого с копьем. Традиционно изображения на подобных медальонах атрибутируются как Св. Георгий и на обратной стороне Св. Феодор. Основываясь на том, что обе полные аналогии происходят с территории Болгарии²⁷⁰, в качестве рабочей гипотезы можно предположить Балканское происхождение подобных свинцовых медальонов.

К свинцовым медальонам с изображением Святых относится еще один экземпляр, происходящий из подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи в 2005 г. Это круглое плоское изделие с изображением конного всадника. Типологически близкие медальоны с изображением Святого Георгия достаточно хорошо известны и датируются XII в.²⁷¹

Остальные свинцовые медальоны украшены разнообразными орнаментальными мотивами и христианскими символами. Изображения Святых на них не размещались. В основном это двусторонние или односторонние плоские круглые изделия с ушком для подвешивания. В последнее время наиболее детальная типология византийских свинцовых амулетов с изображением креста была опубликована Г. Атанасовым и С. Дончевой²⁷². Единичными экземплярами представлены свинцовые медальоны овальной, каплевидной или пятиугольной формы.

Отдельную категорию свинцовых медальонов составляют лунницы. При проведении подводных исследований их известно в Сугдее пока три. Все они отличаются размерами, орнаментом и морфологическими особенностями. Аналогии им, правда, не такие многочисленные, известны в материалах как южной, так и северной Руси²⁷³. Очень часто такие лунницы трансформировались в крестовключенные. Орнаментальные мотивы, в виде зон геометрического орнамента, состоящего из линий и крупных точек с окантовкой изделия литыми точками, согласно хронологической таблице Т. И. Макаровой, характерны для серебряных лунниц с зернью т. н. второй группы древнерусских кладов, которая датируется второй половиной X–XI вв.²⁷⁴ В данном случае, орнамент имитировал зерненный.

Составной частью этой категории являются и кресты-медальоны, часто входившие в состав ожерелий. Они не образуют серий и представлены пиррофиллитовыми изделиями ромбовидной формы с небольшими треугольными прорезьями²⁷⁵ древнерусского производства²⁷⁶, костяными плоскими с прочерченными лучами²⁷⁷ и ромбическими рамками для вставного креста²⁷⁸. В последнем случае не исключено, что эта рамка использовалась и самостоятельно. Типологически близкое изделие обнаружено при раскопках средневекового Новгорода, где рассматривается в качестве поясного разделителя²⁷⁹ и датируется последней четвертью XII в.²⁸⁰

Следующую группу изделий образуют четыре бронзовых и свинцовых медальона, представляющие собой круглые подвески с прорезными крестами (т. н. геометрический стиль)²⁸¹. Типологически близкие изделия известны достаточно широко, в частности, среди погребального инвентаря византийских склепов Херсонеса, и в погребальном инвентаре плитовых захоронений южного берега Крыма X–XII вв.²⁸² Эта категория украшений детально рассмотрена в одной из недавних работ В. Я. Петрухина и Т. А. Пушкиной²⁸³. Авторы, приводя новгородские²⁸⁴ и саркельские²⁸⁵ аналогии, справедливо отмечают, что подобные изделия не всегда рассматриваются в качестве культовых христианских.

Третью группу культовых находок составляют кресты-тельники. Прежде всего, необходимо отметить литые серебряные экземпляры с греческими надписями. Они получили достаточно широкое распространение в Северном Причерноморье, на Балканах²⁸⁶ и Руси²⁸⁷.

Остальные кресты изготовлены из бронзы и свинца. По справедливому мнению исследователей, вероятнее всего они служили, прежде всего, в качестве товарных пломб, которыми опечатывались товары²⁸⁸. При этом они играли функцию своеобразного оберега и гарантировали качество товара²⁸⁹. Все известные аналогии, происходящие с территории Болгарии, Румынии, Сербии и Руси датируются в основном X–XII вв.²⁹⁰ Согласно типологии Б. Бабича²⁹¹ и А. В. Кузьминова²⁹², а так же других исследователей их традиционно делят на т. н. кресты Облика Св. Петра, греческие и латинские. К изделиям, связанным с христианским культом, относятся и находки железных крестов, представленных как мелкими нательными экземплярами, так и фрагментами крупных процессионных крестов²⁹³.

Отдельную категорию находок, вероятно, находившихся в быту длительное время, и являвшихся своеобразными христианскими реликвиями, составляют иконы, изготовленные из стеатита. До настоящего времени находки подобных икон в Крыму единичны. Наибольшая коллекция происходит из Херсонеса, но и она насчитывает несколько десятков фрагментированных экземпляров. В средневековой Сугдее известно всего четыре фрагмента подобных икон²⁹⁴, фрагмент еще одной происходит из предместий Солхата²⁹⁵. Исходя из фрагментарности находок, их трудно отнести к конкретной стилистической группе, связанной с Константинопольскими мастерскими. В последнее время выдвинуто предположение о возможном изготовлении части стеатитовых икон в Херсонесе по византийским образцам²⁹⁶.

Небольшую коллекцию составляют элементы церковной утвари. К сожалению, связать их с конкретным церковным объектом трудно. Археология церковной утвари и реликвий – одно из самых старых и традиционных направлений византийской археологии. Основная тенденция в изучении византийской церковной утвари сегодня – переход от анализа и интерпретации отдельных выдающихся произведений прикладного искусства к созданию системных и региональных сводов артефактов²⁹⁷, а также применение более строгого историко-этнографического подхода к их атрибуциям¹⁹⁸.

Наиболее известными находками остаются бронзовые кадила, исследованные в Сугдее и Боспоре²⁹⁹. Согласно типологии В. Н. Залесской³⁰⁰, литые медные кадила с таким количеством сюжетов, в отличие от их ранних прототипов, относятся к типу три, который характеризуется изображением фигур при помощи мелких поверхностей и упрощенным орнаментальным мотивом в виде простой пальметты, занимающей только одну линию. Датируются они не ранее середины X в. При этом надо учитывать мнение В. Н. Залесской о возможности существования местной крымской локальной группы изделий, имеющих, возможно, и более поздние датировки³⁰¹. Не исключено, что изделие принадлежит к сирийской группе литургических предметов, которые поступали в Крым с середины X в.³⁰² Косвенно датировку Судакского кадила подтверждают и находки типологически близких кадил из Армении³⁰³. По мнению Е. И. Архиповой, сцены на Судакском кадиле расположены с нарушением хронологии евангельских событий, что делает памятник в своем роде уникальным³⁰⁴.

Кроме кадил, эта категория находок представлена элементами бронзовых³⁰⁵ и алебастровых³⁰⁶ лампадофоров. Аналогичные фигурные многолопастные крестообразные шарнирные звенья цепей и диски наиболее полно представлены в Херсонесе³⁰⁷. Авторы считали их ближайшими аналогиями изделий Киевской Руси, подчеркивая возможные художественные связи регионов³⁰⁸. Аналогичные поликандила, где в качестве основы использовался плоский или слегка выпуклый диск, получают наибольшее распространение среди византийских литургических предметов, начиная со второй половины X в.³⁰⁹

Интересную и редкую категорию церковной утвари составляют глиняные штампы для просфор. Из раскопок в портовой части Сугдеи происходит фрагмент подобного изделия, обнаруженный в культурном слое, датированном второй половиной X–XI вв. Они достаточно хорошо известны, в частности, в Херсонесе³¹⁰, восточной³¹¹ и южной³¹² Таврике. Характерным отличием изделий средневизантийского периода является округлая форма с простым крестом с расширяющимися лучами, в который вписан простой равноконечный крест с рельефными треугольниками между ними.

Обрядовые предметы представлены керамическими писанками³¹³, считающиеся полифункциональными изделиями³¹⁴. Судя по находкам форм для их отливок, происходящим из Киева³¹⁵, подобные вещи изготавливались на территории Древней Руси уже с середины XI в.³¹⁶ и в это же время начали попадать в Таврику. Согласно типологии А. О. Сушко, подобные изделия, следом за Т. И. Макаровой³¹⁷, отнесены к северному Новгородскому варианту³¹⁸. Отметим

и находки уникальных амулетов. Это кубическое изделие с греческой надписью¹⁹ и свинцовый колесообразный амулет.

Итак, мы рассмотрели основные составляющие материальной культуры населения юго-восточного Крыма второй половины X – начала XII вв. Подведем некоторые итоги. Тарная керамика является типичной для большинства провинциально-византийских памятников Причерноморья и Средиземноморья. Некоторое крымское и таманское своеобразие придает ей только наличие большого процента высокогорлых кувшинов с ленточными ручками. Кухонная и столовая белоглиняная поливная посуда так же типична для городских и сельских центров византийской ойкумены данного хронологического периода. Несомненным отличием же керамического комплекса провинциально-византийской культуры восточного Крыма является набор столовой лощеной посуды. Только он и позволяет предварительно ставить вопрос об этнических особенностях населения этого региона Таврики в средневизантийский период. О неоднородном его составе свидетельствуют и отдельные лепные сосуды кочевнического облика.

Характерным отличием провинциально-византийской городской культуры средневизантийского периода является почти полное отсутствие предметов вооружения и конского снаряжения, беден набор сельскохозяйственных орудий труда. Это ярко проявляется и при анализе культуры восточного Крыма. Те же тенденции демонстрирует и материальная культура Херсонеса. Напротив, набор бытовых изделий, предметов связанных с функционированием порта богат и разнообразен. Он имеет многочисленные аналогии в культуре провинциально-византийских городов империи. Анализ украшений и элементов костюма свидетельствует о том, что их ассортимент и разнообразие диктовались требованием моды средневизантийского периода. Значительной составляющей материальной культуры рассматриваемого хронологического периода, в отличие от предшествующего, являлись предметы мелкой византийской пластики. Особую категорию среди них составляли предметы христианского культа. Интернациональные по своей сути, они составляли характерное отличие провинциально-византийской культуры Византии, в том числе и восточного Крыма.

¹ Майко В. В. Керамічний комплекс населення південно-східного Криму другої половини X ст. // Українське Гончарство. – Т. 4. – Опішне, 1999. – С. 51, рис. 1.

² Зеленко С. М. Кораблекрушения IX–XI вв. в Судакской бухте // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – К., 2001. – С. 85–89.

³ Булгаков В. В. Метки-дипинто византийських амфор XI в. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – К., 2001. – С. 163–164.

⁴ Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. – М., 2008. – С. 160.

⁵ Майко В. В. Юго-Восточный Крым VIII–XI вв. Два примера провинциально-византийской культуры // ТГЭ. – Т. 51. Византия в контексте мировой культуры. – СПб., 2010. – С. 431, ил. 1; Чхаидзе В. Н. Средневековая амфора с граффити из Таманского музея виноградарства и виноделия // КСИА. – Вып. 215. – М., 2003. – С. 45–50.

⁶ Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979. – С. 109.

⁷ Паршина Е. А. Торжище в Партенидах // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 79.

- ⁸ Плетнева С. А. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. – 1959. – № 75. – С. 270; Артамонова О. А., Плетнева С. А. Стратиграфические исследования Саркела – Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. – Вып. VI. – Симферополь, 1998. – С. 601.
- ⁹ Булгаков В. В. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. – № 4 (5) (<http://archaeologie.kiev.ua/journal/040700/bulgaov.htm>).
- ¹⁰ Майко В. В. Керамічний комплекс населення... – С. 52, рис. 2, 1–8, 10; Зеленко С. М. Указ. соч. – С. 83, рис. 2; Пономарев Л. Ю., Бейлин Д. В. Византийские амфоры со дна Керченского пролива // БИ. – Вып. VIII. – Симферополь; Керчь, 2005. – С. 317, рис. 4.
- ¹¹ Gunsenin N. Les amphores Byzantines (X–XIII siecles): typologie, production, circulations d'apres les collections torques. – Paris, 1990. – P. 1288–1289.
- ¹² Романчук А. И., Сазанов А. В., Седюков Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995. – С. 143; Bjelajac L. Byzantine amphorae in the Serbian-danubian Area in the 11th–12th centuries // Recherches sur la Ceramica Byzantine. – 1989. – P. 112.
- ¹³ Джанов А. В., Майко В. В. Византия и кочевники в юго-восточной Таврике в XI–XII вв. // ХС. – Вып. IX. – Севастополь, 1998. – С. 173, рис. 10, 2, 3; Майко В. В. Керамічний комплекс населення... – С. 52, рис. 2, 9; рис. 4, 2; Зеленко С. М. Указ. соч. – С. 90, рис. 10; Пономарев Л. Ю., Бейлин Д. В. Указ. соч. – С. 317, рис. 4.
- ¹⁴ Паршина Е. А. Клейменная византийская амфора X в. из Ласпи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – К., 2001. – С. 104–117; Чхаидзе В. Н. Византийские амфорные клейма из раскопок Таманского городища // БИ. – Вып. VIII. – Симферополь; Керчь, 2005. – С. 95–117.
- ¹⁵ Яacobson А. Л. Указ. соч. – С. 74–75.
- ¹⁶ Майко В. В. Керамічний комплекс населення... – С. 52, рис. 2, 12–14.
- ¹⁷ Булгаков В. В. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы...
- ¹⁸ Яacobson А. Л. Раскопки средневековых слоев Херсонеса // КСИА АН СССР. – 1950. – Вып. XXXV. – С. 117, рис. 38, 7; 1979, с. 72, рис. 43, 7; Паршина Е. А., Созник В. В. Амфорная тара Паргенита (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Бібліотека Vita Antiqua. – К., 2012. – С. 23, 25.
- ¹⁹ Волков И. В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – К., 2001. – С. 131–135.
- ²⁰ Чхаидзе В. Н. Византийские амфорные клейма... – С. 101.
- ²¹ Джанов А. В., Майко В. В. Указ. соч. – С. 170, рис. 9, 6; Никитенко Михаил. К проблеме датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. – К.; Судак, 2002. – С. 198–200; Артеменко Е. Д. Амфоры из купола церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 8–12.
- ²² Паршина Е. А. Клейменная византийская амфора... – С. 107; Булгаков В. В. Византийские конически-вытянутые амфоры X века // Сугдейский сборник. – Вып. 1. – К.; Судак, 2004. – С. 5–12; Коваль В. Ю. Византийские амфоры (мегарики) в Южной Руси // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Бібліотека Vita Antiqua. – К., 2012. – С. 48–49.
- ²³ Булгаков В. В. Византийские конически-вытянутые амфоры... – С. 7–8; Паршина Е. А. Клейменная византийская амфора... – С. 107; Чхаидзе В. Н. Византийские амфорные клейма... – С. 103.
- ²⁴ Булгаков В. В. Византийские конически-вытянутые амфоры... – С. 8.
- ²⁵ Волков И. В. Указ. соч. – С. 133, рис. 3.
- ²⁶ Майко В. В. Граффити на амфорах юго-восточного Крыма VIII – начала XI вв. // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Бібліотека Vita Antiqua. – К., 2012. – С. 69–82.
- ²⁷ Зеленко С. М. Указ. соч. – С. 90.
- ²⁸ Паршина Е. А., Созник В. В. Указ. соч. – С. 37–42.
- ²⁹ Майко В. В. Керамічний комплекс населення... – С. 53, рис. 3.
- ³⁰ Чхаидзе В. Н. Высокогорлье кувшины с плоскими ручками из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье // Древности юга России. Памяти А. Г. Атавина. – М., 2008. – С. 403–404; Науменко В. Е. Высокогорлье кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. – Симферополь; Керчь, 2009. – С. 54–57; Науменко В. Е. Константин Багрянородный о боспорской нефти. «Греческий огонь» и так называемые «тмутараканские» кувшины: историко-археологические комментарии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесло и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 327.

- ³¹ *Науменко В. Е.* Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками... – С. 53–54; *Чхаидзе В. Н.* Высокогорлые кувшины с плоскими ручками... – С. 401–402.
- ³² *Чхаидзе В. Н.* Высокогорлые кувшины с плоскими ручками... – С. 402.
- ³³ *Паршина Е. А., Созник В. В.* Указ. соч. – С. 13–16.
- ³⁴ *Borisoв V.* Djadovo. Mediaeval Settlement and Necropolis (11–12 th century). – Vol. I. – Tokai, 1989. – P. 135–260; *Борисова Б.* Керамика XI–XII вв. из юго-восточной Болгарии / Б. Борисов // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 2. – К., 1988. – С. 28–33; *Димитров Д.* Керамика от раннесредневековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско // Добруджа. – 1993. – № 10. – С. 113; *Майко В. В.* Керамічний комплекс населення... – С. 55–60; *Hayes J. W.* The Pottery // Excavation at Sarahane in Istanbul. – Vol. II. Princeton, 1992. – P. 117–119; *Нессель В. А.* Керамический комплекс // XC. Supplement I. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.). Под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клеиной. – Севастополь, 2006. – С. 100–104.
- ³⁵ *Майко В. В.* Керамічний комплекс населення... – С. 55–60, рис. 5–10.
- ³⁶ *Адакина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчет о раскопках храма монастыря святых Апостолов Петра и Павла в Паргениите (Паргенинская базилика) в 2000 г. // Архив КФ ИА НАНУ. Инв. Кн. 4. Инв. № 645, папка № 1049. – С. 85, рис. 86.
- ³⁷ *Романчук А. И.* Строительные материалы византийского Херсона. – Екатеринбург, 2004. – Рис. 10, 2.
- ³⁸ *Сорочан Е. С.* О керамических изделиях как ремесленной продукции и ее специализации в Византии IV–IX вв. // Дриновський збірник. – Т. V. – Харків; Софія, 2012. – С. 219.
- ³⁹ *Varanov I. A.* Die ceramic der Saltovo-Majaki Kultur in der Krim // Die ceramic der Saltovo-Majaki Kultur in ihrer varianten. Varia Archaeologica Hungarica III. – Budapest, 1990. – P. 41, taf. 7, 5.
- ⁴⁰ *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 223, рис. 87, 6; *Сазанов А. В.* Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. – Вып. V. – М.; Магнитогорск, 1998. – С. 58, рис. III, 20.
- ⁴¹ *Паршина Е. А.* Торжище в Паргениитах... – С. 77–78; *Паршина Е. А.* Древний Паргениит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – К., 2002. – С. 99, рис. 8.
- ⁴² *Герцен А. Г.* Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1999 г. Приложения. Т. III. // Архив КФ ИА НАНУ. Инв. Кн. 4, инв. № 629, папка № 1029. – Рис. 64, 6.
- ⁴³ *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М., 1963. – С. 41, рис. 24, 10; *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове... – С. 196, рис. 110, 8–10; *Майко В. В., Сударев Н. И.* Погребение второй половины X в. из Краснодарского края // Сугдэйский сборник. Вып. IV. – К.; Судак, 2010. – С. 428–444.
- ⁴⁴ *Българите и техните съседы през V–X век.* Каталог на изложба. / Съставители Валерии Йотов, Ваня Павлова. Регионален Исторически музей. – Варна, 2004. – С. 62, № 49.
- ⁴⁵ *Артамонов М. И.* Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. – МИА № 62. – 1958. – С. 32, рис. 19, 3; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. – № 142. – 1967. – С. 117, рис. 28, 3; *Плетнева С. А.* Керамика Саркела – Белой Вежи... – С. 213, рис. 1, 1,2; *Шелковников Б. А.* Поливная керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. – № 75. – 1959. – С. 279, рис. 3.
- ⁴⁶ *Довженко В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Давньбурське місто Воїнь. – К., 1966. – Табл. XII, 3; *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство... – С. 80.
- ⁴⁷ *Comsa M.* Ceramica locala // Dinogetia. Vol. 1. – Bucuresti, 1967. – Fig. 104, 11, 12, 14–16.
- ⁴⁸ *Плетнева С. А.* Керамика Саркела – Белой Вежи... – С. 214; *Атавин А. Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник 1. – М., 1992. – С. 173–211; *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове... – С. 200.
- ⁴⁹ *Майко В. В.* Этнокультурные связи Крыма с Северным Кавказом во второй половине X–XI вв. (на примере лощеной керамики) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. – Магас, 2010. – С. 231, рис. 1, 16,17.
- ⁵⁰ *Майко В. В.* Керамічний комплекс населення... – С. 40–63; *Майко В. В.* К вопросу о крымских керамических импортах на территории хазарского Саркела // ПИФК. – Вып. XI. – М.; Магнитогорск, 2001. – С. 208–211.
- ⁵¹ *Morgan Ch.* The Byzantine pottery // Corinth. II. – 1942. – P. 37; *Stevenson R.* The pottery // The great Palace of the Byzantine Emperors. – London, 1947. – P. 38–41 *Hayes J. W.* Op. cit. – P. 117–119.

- ⁵² *Паршина Е. А.* Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. – К., 1974. – С. 67; *Паршина Е. А.* Торжище в Паргенидах... – С. 81; *Талис Д. Л.* К характеристике византийской керамики IX–X вв. из Херсонеса // Труды ГИМ. Вып. 37. Археологический сборник. – М., 1960. – С. 133; *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство... – С. 336–342; *Макарова Т. И.* Поливная посуда из истории керамического импорта и производства древней Руси. Археология СССР // САИ. – Вып. 1–38. – М., 1967. – С. 10; *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990. – С. 23.
- ⁵³ *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство... – С. 84–87.
- ⁵⁴ *Паршина Е. А.* Средневековая керамика Южной Таврики... – С. 67–69; *Паршина Е. А.* Торжище в Паргенидах... – С. 81–83.
- ⁵⁵ *Майко В. В.* Керамичний комплекс населення... – С. 63, рис. 13; *Макарова Т. И.* Боспор-Корчев // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 130, табл. 44, 2.
- ⁵⁶ *Плетнева С. А.* Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 259, рис. 82: 41.
- ⁵⁷ *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове... – С. 189, рис. 103, 2; с. 207, рис. 120, 1.
- ⁵⁸ *Плетнева С. А.* Керамика Саркела – Белой Вежи... – С. 252, рис. 38, 1, 2.
- ⁵⁹ *Джанов А. В., Майко В. В.* Указ. соч. – С. 174, рис. 11.
- ⁶⁰ *Плетнева С. А.* Керамика Саркела – Белой Вежи... – С. 234, рис. 19: 10, 11, 16, 17.
- ⁶¹ *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове... – С. 183, рис. 98, 6, 8; С. 184, рис. 99, 1–10.
- ⁶² *Станко В. Н.* Детское захоронение кочевника // Записки Одесского Археологического общества. Т. 1. – Одесса, 1960. – С. 231, рис. 1: 1.
- ⁶³ *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища... – С. 68.
- ⁶⁴ *Майко В. В., Гаврилов А. В., Гужин В. Д.* Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму // ХА. – Т. 8. – К.; Харьков, 2009. – С. 239, рис. 2 1–3, 6, 7.
- ⁶⁵ *Майко В. В., Гаврилов А. В., Гужин В. Д.* Указ. соч. – С. 241, рис. 3, 2.
- ⁶⁶ *Майко В. В.* Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи X–XI вв. Мода или неоднородность этноса // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. II. – Коростень, 2008. – С. 21, рис. 1, 1–4.
- ⁶⁷ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. – САИ.–Е 1–36. – М.; Л., 1966. – С. 7, рис. 1; *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – С. 162, рис. 71.
- ⁶⁸ *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 337, табл. 125, V, 7.
- ⁶⁹ *Худяков Ю. С.* Вооружение Енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск, 1980. – С. 59.
- ⁷⁰ *Плетнева С. А.* Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X в. ... – С. 166, рис. 52, 119.
- ⁷¹ *Henning J.* Catalogue of archaeological finds from Pliska / Joachim Henning // Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium. Vol. 2. Byzantium, Pliska, and the Balkans. Edited by Joachim Henning. – Berlin, 2007. – Taf. 9, № 107, 108.
- ⁷² *Колесникова Л. Г.* Связи Херсона-Корсуна с племенами Восточной Европы в домонгольский период // ХС. Вып. 15. – Севастополь, 2006. – С. 147, рис. 1, 1; *Наследие Византийского Херсона. – Севастополь; Остин, 2011. – С. 293, № 335; с. 589.*
- ⁷³ *Душенко А. А.* Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. Вып. XV. – Симферополь, 2009. – С. 452, рис. 1, 1.
- ⁷⁴ *Душенко А. А.* Указ. соч. – С. 434–435.
- ⁷⁵ *Флёрова В. Е.* Резная кость юго-востока Европы IX–XII вв.: искусство и ремесло (по материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). – СПб., 2001. – С. 59; *Душенко А. А.* Указ. соч. – С. 434.
- ⁷⁶ *Крыжанов А. В.* Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. – № 2. – 1987. – С. 64, рис. 1, 3.
- ⁷⁷ *Йотов В., Атанасов Г.* Скала. Крепост от X–XI век до с. Кладенци, Тервелско. – София, 1998. – С. 91, обр. 71.
- ⁷⁸ *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – С. 27, рис. 3, Б1.

- ⁷⁹ Майко В. В. Кочевнические элементы городской культуры ... – С. 21, рис. 1, 13.
- ⁸⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. – С. 20.
- ⁸¹ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков // САИ. – Вып. Е1–19. – М., 1973. – С. 15–19; Плетнева С. А. Печенеги и гузы на нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи). – М., 1990 – С. 48.
- ⁸² Майко В. В., Гаврилов А. В., Гукин В. Д. Указ. соч. – С. 249, рис. 7, 8–10.
- ⁸³ Майко В. В., Гаврилов А. В., Гукин В. Д. Указ. соч. – С. 254, рис. 10, 2.
- ⁸⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам... – С. 149, рис. 39, 2; Плетнева С. А. Правобережное Пимляское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. – Симферополь, 1995. – С. 380, рис. 43, 6; Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – С. 27; Давыденко В. В., Гриб В. К. «Государев яр» – новый памятник X–XI вв. в среднем течении Северского Донца (предварительная публикация) // Археологический альманах, № 25, Донецк, 2011. С. 259, рис. 3, 9; с. 264, рис. 8, 6.
- ⁸⁵ Иванченко Л. І. Давньоруське городище поблизу с. Сахнівка на Росі // Археологія. – № 3. 1990. – С. 135, рис. 1.
- ⁸⁶ Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань, 1991. – С. 106, рис. 37, 7.
- ⁸⁷ Henning J. Archäologische funde von eisenfesseln aus den Bulgarischen siedlungsgebieten zwischen Wolga und Donau // Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1991. – С. 57, fig. 3, 3.
- ⁸⁸ Иванченко Л. І. Вказ. праця. – С. 134.
- ⁸⁹ Майко В. В., Гаврилов А. В., Гукин В. Д. Указ. соч. – С. 249, рис. 7, 4.
- ⁹⁰ Гаврилина Л. М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. – Элиста, 1987. – С. 55.
- ⁹¹ Гаврилина Л. М. Указ. соч. – С. 64.
- ⁹² Кубышев А. И., Орлов Р. С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. – № 1. – 1982. – С. 240, рис. 2, 1–4.
- ⁹³ Клименко В. Ф., Цымбал В. И., Краснощекова С. Д. Сбруйные комплексы некоторых кочевнических погребений Донбасса // Деснинские древности: материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. – Брянск, 2008. – С. 119, рис. 3.
- ⁹⁴ Кубышев А. И., Орлов Р. С. Указ. соч. – С. 246.
- ⁹⁵ Майко В. В. Кочевнические элементы городской культуры ... – С. 21, рис. 1, 7; Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татар археологиясе. № 1–2 (6–7). – Казан, 2000. – С. 51.
- ⁹⁶ Руденко К. А. Указ. соч. – С. 82, рис. 6, 4.
- ⁹⁷ Майко В. В. Сугдея во второй половине X–XI вв. // Сугдейский сборник. – К., 2004. – С. 243, рис. 13, 2.
- ⁹⁸ Романчук А. И. Изделия из кости в средневековом Херсоне // АДСВ. Вып. 18: Античный и средневековый город. – Свердловск, 1981. – С. 88, рис. 2, 41.
- ⁹⁹ Майко В. В. Кочевнические элементы городской культуры ... – С. 21, рис. 1, 5, 6.
- ¹⁰⁰ Баранов И. А. Указ. соч. – С. 19, рис. 6, 13, 14.
- ¹⁰¹ Душенко А. А. Указ. соч. – С. 435–436.
- ¹⁰² Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. – С. 47, 115, рис. 3, 11.
- ¹⁰³ Сергеева М. С. Вироби з кістки та рогу з Воїнської Греблі // Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Джерела та дослідження. Археологія і давня історія України. Випуск 8. – К., 2012. – С. 141, рис. 16, 9.
- ¹⁰⁴ Бонев С. Костени детайли на конска амуниция от средновековна България // Музеи и паметници на култура. Год. XXI. – Кн. 4. – 1981. – С. 42, рис. 1, 14.
- ¹⁰⁵ Сергеева М. С. Техніка обробки рогу у Воїнській Греблі // Древности 2011. Вып. 10. – Харьков, 2011. – С. 195, рис. 6, 1.
- ¹⁰⁶ Майко В. В. Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 243, рис. 13, 7.
- ¹⁰⁷ Ивакин Г. Ю., Степаненко Л. Я. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. – К., 1985. – С. 92; Сагайдак М. А. Давньокіівський Поділ. Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. – К., 1991. – С. 41, рис. 20.
- ¹⁰⁸ Дончева-Петкова Л. Одръци. Селиште от Първо Българско царство. Т. 1. – София, 1999. – С. 57, обр. 108; Бонев С., Дончева С. Старобългарски производствен център за художествен метал при

- с. Новосел, Шуменско. – Велико Търново, 2011. – С. 268, табл. XXVI, 138; *Атанасов Г.* Клады земледельческих орудий из южной Добруджи (X – начало XI вв.) // *Stratum plus.* № 5. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2000. – С. 193, табл. VII, 77,79,58.
- ¹⁰⁹ *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 233, рис. 12, 16.
- ¹¹⁰ *Ениосова Н. В., Митоян Р. А.* Тигли Гнёздовского поселения // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. 111. – М., 1999. – С. 57–58.
- ¹¹¹ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. – № 63. – М.; Л., 1959. – С. 331, рис. 181, 1–4.
- ¹¹² *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории... – С. 329–330.
- ¹¹³ *Денисова Е. А.* Железные ножи X–XIII вв. из Херсонеса // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докл. и сообщ. – Бахчисарай, 2012. – С. 25–27.
- ¹¹⁴ *Атанасов Г.* Указ. соч. – С. 196, табл. X, 22; *Чангова Й.* Средневековни оръдия на труда в България // Известия на археологически институт. Кн. 25. – 1962. – С. 32, обр. 12, 2.
- ¹¹⁵ *Майко В. В.* Комплекс конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму. Ч. II. // Древности 2010. – Харьков, 2010. – С. 277, рис. 1, 3, 5.
- ¹¹⁶ *Казаков Е. П.* Указ. соч. – С. 24, рис. 8; 24; с. 72, рис. 29; 9.
- ¹¹⁷ *Овсянников О. В., Пескова А. А.* Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. Вып. 171. Славно-русская археология. – М., 1982. – С. 94, рис. 1, 14; с. 95, рис. 2, 16.
- ¹¹⁸ *Артамонов М. И.* Указ. соч. – С. 68, рис. 46.
- ¹¹⁹ *Майко В. В.* Комплекс конского снаряжения и бытовых предметов ... – С. 277, рис. 1, 4.
- ¹²⁰ *Казаков Е. П.* Указ. соч. – С. 71, рис. 28; 11.
- ¹²¹ *Иевлев М. М., Козловский А. О.* Льохы стародавнього Києва кінця X – першої половини XIII ст. // Археологія. – № 4. – 2011. – С. 112, рис. 4, 1–8.
- ¹²² *Моця О., Казаков А.* Давньоруський Чернігів. – К., 2011. – С. 72, рис.
- ¹²³ *Иевлев М. М., Козловский А. О.* Указ. соч. – С. 112, рис. 4, 10.
- ¹²⁴ *Евглевский А. В., Потемкина Т. М.* Кресала в кочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. – Донецк, 2000. – С. 183–184.
- ¹²⁵ *Майко В. В.* Комплекс конского снаряжения и бытовых предметов ... – С. 280, рис. 2, 8.
- ¹²⁶ *Кочкаров У. Ю.* Боевые топоры северо-западного Предкавказья VIII–XIV вв. // Средневековая археология Евразийских степей. МИАП. Вып. 3. – М.; Йошкар-Ола, 2006. – С. 107, рис. 7, 46.
- ¹²⁷ *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – К., 1991. – С. 106, рис. 46, 15.
- ¹²⁸ *Домбровский О. И.* Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. – Т. 3. – К., 1986. – С. 540, рис. 133, 6.
- ¹²⁹ *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 232, рис. 11.
- ¹³⁰ *Майко В. В.* Давньоруські знахідки X–XIII ст. з південно-східного Криму. До питання про економічні та політичні контакти // Дньн слово. – К., 2008. – С. 313, рис. 1, 1–3.
- ¹³¹ *Петрашенко В. А.* Древнерусское село по материалам поселений у с. Григоровка. – К., 2005. – С. 106–110; *Возний І. П.* Поселення X–XIV ст. у межиріччі верхнього серету та середнього Дністра. Укріпленні поселення та давньоруські міста. Ч. 1. – Чернівці, 2005. – С. 79.
- ¹³² *Звіздецький Б. А.* Рец. Возний І. П. Поселення X–XIV ст. у межиріччі верхнього серету та середнього Дністра. Укріпленні поселення та давньоруські міста. Чернівці, 2005. Ч. 1. 255 с. // Археологія. – № 2. – 2007. – С. 106; *Петрашук А. В.* Видобуток та обробка каміння на давньоруських селищах Середнього Подністров'я // Археологія. – № 1. – 2003. – С. 66–75.
- ¹³³ *Петрашенко В. О.* Слов'янські пряслиця VIII–X ст. з Правобережжя Середнього Подніпров'я // Археологія. – № 62. – 1988. – С. 24–32.
- ¹³⁴ *Сагайдак М. А.* Вказ. праця. – С. 92.
- ¹³⁵ *Казаков Е. П.* Указ. соч. – С. 153; *Казаков Е. П., Руденко К. А., Беговатов Е. А.* Мурзихинское селище // Древние памятники Приустьевого Закамья. Материалы новосточной экспедиции Мирнистерства культуры Республики Татарстан. – Казань, 1993. – С. 51.
- ¹³⁶ *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 236, рис. 14, 16.
- ¹³⁷ *Майко В. В.* Средневековые некрополи Судакской долины. – К., 2007. – С. 108, рис. 82, 4; с. 109, рис. 83, 4.
- ¹³⁸ *Майко В. В.* Судакские склепы. Поздний горизонт погребений (к вопросу о городских некрополях Сугдеи X–XI вв.) // Сугдейский сборник. – Вып. IV. – К.; Судак, 2010. – С. 119, рис. 5, 2.
- ¹³⁹ *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Т. II. – Симферополь, 1991. – С. 242, рис. 7, 1, 2, 10.

- ¹⁴⁰ Турова Н. П. Симеизский склеп 1955 г. // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах № 28. – Донецк, 2012. – С. 174, рис. 2.
- ¹⁴¹ Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. – К., 1993. – С. 195.
- ¹⁴² Айбабин А. И. Степь и юго-западный Крым. Крым в X – первой половине XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 135, таб. 49, 3.
- ¹⁴³ Махнева О. А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 157, рис. 3.
- ¹⁴⁴ Рыбина Е. А., Розенфельд Р. Л. Гребни, расчески // Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997. – С. 20–22.
- ¹⁴⁵ Сергеева М. С. Про деякі давньоруські приладдя з кістки та рогу для ігор і розваг (за матеріалами з Середнього Подніпров'я) // Древности 2010. – Вып. 9. – Харьков, 2010. – С. 202; Стрельник М. О., Хомчик М. А., Сорочкина С. А. Гральні кості (II тис. до н. е. – XIV ст. н. е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія. – № 2. – 2009. – С. 34–49.
- ¹⁴⁶ Сергеева М. С. Про деякі давньоруські приладдя... – С. 202.
- ¹⁴⁷ Булгаков В. В., Булгакова В. И. Портовый комплекс Сугдеи (по данным морских археологических исследований 2004–2005 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака. Археологический альманах № 28. – Донецк, 2012. – С. 289–292.
- ¹⁴⁸ Согласно любезному сообщению А. В. Комара, они могли использоваться и как гири для весов типа безмена.
- ¹⁴⁹ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. – М., 2004. – С. 190, 192, рис. 98, 108, 138; Петрашенко В. О., Козюба В. К. Давньоруські поселення поблизу с. Бучак // Археологія. – № 2. – 2005. – С. 131, рис. 64; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). – М., 1981. – С. 157, рис. 62, 18–32.
- ¹⁵⁰ Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М., 1985. – С. 109–110, табл. ХLI, 1–7; Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1986. – д С. 246–248, рис. 76, 10–14.
- ¹⁵¹ Казаков Е. П. Указ. соч. – С. 150, рис. 48, 32–34.
- ¹⁵² Казаков Е. П. Указ. соч. – С. 150, рис. 48, 3–8.
- ¹⁵³ Успенская А. В. Погребение купца на древнем Селигерском пути // Средневековая Русь. – М., 1976. – С. 39.
- ¹⁵⁴ Минчев А. Бронзови теглилки от средновековието и османския период във Варненския археологически музей // Българските земи през средновековието (VII–XVIII в.). AMV III–1. – Варна, 2002. – С. 241–246; Владимирова-Аладжова Д. Средновековни тежести-етатони (екзагии) от България // Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Stephcae Angelova. Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Supplementum V. – София, 2010. – С. 679–694.
- ¹⁵⁵ Майко В. В. Давньоруські знахідки X–XIII ст. ... – С. 315, рис. 2, 12.
- ¹⁵⁶ Kapitan G. Ancient anchors-technology and classification // The International Journal of Nautical Archaeology. – Vol. 13. – № LP. – 1984. – P. 42–43.
- ¹⁵⁷ Зеленко С. М. Указ. соч. – С. 91, рис. 12.
- ¹⁵⁸ Щапова Ю. Л. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани / Ю. Л. Щапова // Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М., 1963. – С. 114, рис. 4; Львова З. А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // МИА. – № 75. – 1959. – С. 310–323.
- ¹⁵⁹ Львова З. А. Указ. соч. – С. 323; Щапова Ю. Л. Указ. соч. – С. 112; Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. Т. X. – Симферополь, 2003. – С. 221.
- ¹⁶⁰ Янков Д. Останки от средновековна стъкларска работилница в Стара Загора // Известия на музеите от Югоизточна България. – №. 6. – 1983. – С. 43–44.
- ¹⁶¹ Дончева-Петкова Л. Одръци. Некрополи от XI век. Т. 2. – София, 2005. – С. 104–105.
- ¹⁶² Radičević D. Medieval glas bracelets from Banat territory // 18th Congress of the International Association for the History of Glass 21–15 September 2009. Programme and Abstracts. – Thessaloniki, 2009. – P. 135.
- ¹⁶³ Köroğlu G. Selected medieval glass artifacts from Yumuktepe mound // Studiantichitan. – Vol. 11. – 1998. – P. 283–294; Von Saldern A. Ancient and Byzantine Glass from Sardis. – London, 1980. – P. 98–99; Lightfoot C. S. Amorium Excavations 1993. The Sixth Preliminary Report // Anatolian Studies,

44. – 1994. – P. 125–126; *Lightfoot C. S., Ivison E.A.* Amorium Excavations 1995. The Eight Preliminary Report // *Anatolian Studies*, 46. – 1996. – P. 108–109; *Lightfoot C. S.* The Amorium Project: The 1997 Study Season // *DOP*. – 53. – 1999. – P. 340–345; *Lightfoot C. S., Ivison E. A. et al.* The Amorium Project: The 1998 Excavation Season. Byzantine Eschatology: Views on death find the last things, 8th to 15th centuries. *Dumbarton Oaks Symposium 1999* // *DOP*. – Vol. 55. – 2001. – P. 370, fig. M, 5–13; *Margaret A., Gill V.* Glass Finds // *DOP*. – Vol. 53. – 1999. – P. 340, fig. D; *Spaer M.* Ancient Glass in the Israel Museum, Beads and Other Small Objects. – Jerusalem, 2001. – P. 193–198; *Spask M.* The Islamic Glass Bracelets of Palestine: Preliminary Finding // *Journal of Glass Studies*. – № 34. – 1992. – P. 44–62.

¹⁶⁴ *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. – Харьков, 2005. – С. 1146.

¹⁶⁵ *Щанова Л. Ю.* Указ. соч. – С. 116–118; *Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Указ. соч. – С. 221; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. Очерки ... – С. 1146.

¹⁶⁶ *Бусятская Н. Н.* Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // *Средневековые памятники Поволжья*. – М.: Наука, 1976. – С. 45–47.

¹⁶⁷ *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 238, рис. 15.

¹⁶⁸ *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // *Керамика и стекло древней Тмутаракани*. – М., 1963. – С. 134–163.

¹⁶⁹ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 102, рис. 73, 6.

¹⁷⁰ *Паришина Е. А.* Эски-Керменская базилика // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. – К., 1988. – С. 46; *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989. – С. 114, рис. 60: I; *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Указ. соч. – С. 57, рис. 36: 3; с. 19, рис. 9: 26; *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. – М., 1981.

¹⁷¹ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 96, рис. 67, 15.

¹⁷² *Айбабин А. И.* Степь и юго-западный Крым. Крым в X – первой половине XIII вв. // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века*. Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 222, табл. 55: 44; *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у с. Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. – Симферополь; Керчь, 2008. – С. 146, табл. 12: 12.

¹⁷³ *Димитров Я.* Църква и некропол във Външния град на Плиска (края на X–XI в.) // *Плиска–Преслав 7*. – Шумен, 1995. – С. 57, обр. 8, 13; *Дончева-Петкова Л.* Одръци. Некрополи... – С. 369, табло СХІХ: 16; с. 108.

¹⁷⁴ *Liwoch R.* Wykopaliska T. Ziemieckiego na Grodzisku w Podhorcach // *Стародавній іскоростень і слов'янські гради*. Т. 2. – Коростень, 2008. – С. 6.

¹⁷⁵ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 107, рис. 81, 6.

¹⁷⁶ *Дончева-Петкова Л.* Одръци. Некрополи... – С. 327, табло LXXVII: 26; *Димитров Я.* Два некропола във Външния град на Плиска // *Трудове на катедриите по история и богословие към Шуменския университет*. № 2. – София, 1998. – С. 69, рис. 2d.

¹⁷⁷ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 63, рис. 36, 4.

¹⁷⁸ *Михайлова Т.* Обечи и наушници от Велики Преслав (края на X–XIV в.) // *Преслав*. Сб. 4. – София, 1993. – С. 183.

¹⁷⁹ *Михайлова Т.* Указ соч. – С. 181.

¹⁸⁰ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 116, рис. 92, 5, 6, 14.

¹⁸¹ *Путь из варяг в греки и из грек*. Каталог выставки. ГИМ. – М., 1996. – С. 95, № 860–867.

¹⁸² *Рябцева С. С.* Трехбусинные кольца от Вислы до Волги // *Stratum plus*. № 5. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2000. – С. 165, рис. 2, 23.

¹⁸³ *Дончева-Петкова Л.* Одръци. Некрополи... – С. 58, обр. 4, 321.

¹⁸⁴ *Путь из варяг...* – С. 81, № 706.

¹⁸⁵ *Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Указ. соч. – С. 254, рис. 20: 7; *Путь из варяг...* – С. 95, № 860–867.

¹⁸⁶ *Рябцева С. С.* Указ. соч. – С. 169, рис. 5, 4.

¹⁸⁷ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 107, рис. 81, 1.

¹⁸⁸ *Плетнева С. А.* Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X в. ... – С. 216; *Моця О. П.* Населення південно-руських земель IX–XIII ст. – К., 1993. – С. 127.

¹⁸⁹ *Федоров-Давыдов Г. А.* Указ. соч. – Рис. 23.

- ¹⁹⁰ *Армарчук Е. А.* «Половецкие серьги» // Средневековая археология Евразийских степей. МИАП. Вып. 3. – М.; Йошкар-Ола, 2006. – С. 203–205.
- ¹⁹¹ *Jelovina D.* Starohrvatske nekropole na području između rijeka Zrmanje i Cetine. – Split, 1976. – Tabl. IX: 5, 6; *Радева М.* Средневековни накити от Сливенско // Известия на музеите от югоизточна България. ХХ. – Бургас 2003. – С. 32, обр. 1.
- ¹⁹² *Рябцева С. С.* Указ. соч. – С. 167–168, прим. 2.
- ¹⁹³ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 107, рис. 81, 5.
- ¹⁹⁴ *Дончева-Петкова Л.* Одрьци. Некрополи... – С. 121, обр. 15: 532₁₆; *Йотов В., Атанасов Г.* Указ. соч. – С. 307, табло CVIII, 387–389.
- ¹⁹⁵ *Михайлик Л. П.* Металлические перстни X – первой половины XIII в. из Киева (хронология, типология) // РА. – № 3. – 2006. – С. 59, рис. 4: 78.
- ¹⁹⁶ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 96, рис. 66, 2–4.
- ¹⁹⁷ *Рындина Н. В.* Технология производства Новгородских ювелиров X–XV вв. // Новые методы в археологии. МИА. – № 117. – 1963. – С. 244–247; *Седова М. В.* Указ. соч. – С. 156–157; *Седова М. В.* Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. – М., 1997. – С. 69, 70; *Поветкин В. И.* Бубенчики-звонцы в древнем Новгороде (применение, способы производства, типология и хронология) // РА. – № 2. – 2009. – С. 79–92.
- ¹⁹⁸ *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Подвески-бубенчики // Труды ГИМ. Вып. 43. – М., 1967. – С. 134–137; *Макаров Н. А.* Население русского севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного прионежья. – М., 1990. – С. 77; *Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. – М., 1997. – С. 119.
- ¹⁹⁹ *Баранов И. А.* Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 105, рис. 3: 14; *Майко В. В.* Кочевнические элементы городской культуры ... – С. 23, рис. 2, 1.
- ²⁰⁰ *Федоров-Давыдов Г. А.* Указ. соч. – С. 54, рис. 9: 4. *Плетнева С. А.* Печенег и гузы на нижнем Дону... – С. 73 рис. 26: 5; *Круглов Е. В.* Погребальный обряд Огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 2. – Донецк, 2001. – С. 398, рис. 2, 1–3.
- ²⁰¹ *Дончева-Петкова Л.* Одрьци. Некрополи ... – С. 354, табло CIV; *Дончева-Петкова Л.* Одрьци. Селиште ... – С. 106, табло CI₆₉₀; *Плетньов В., Попова В.* Раннесредневековни ремъчни аппликации от Варненския археологически музей // ИНМВ, 30–31 (45–46). – Варна, 1994–1995. – Кат. № 648; *Станилов С.* Старобългарски ремъчни украси от Ниционалния археологически музей // Разкопки и проучвания. Кн. 22. – София, 1991. – С. 30, обр. 9; *Йотов В.* О материальной культуре печенегов к югу от Дуная — листовидные ажурные амулеты XI в. // *Stratum plus.* № 5. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2000. – С. 209–212.
- ²⁰² *Жиллина Н. В.* Тисненный убор по древнерусскимкладам X–XIII вв. (от орнаментального рифления до эмблемы княжеской власти // *Stratum plus.* Ремесло археолога. № 5. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2010. – С. 58, рис. 21, 6,7.
- ²⁰³ *Бонев С., Дончева С.* Указ. соч. – С. 268, табло XXXVII–XLIII.
- ²⁰⁴ *Искусство Византии* в собраниях СССР. Каталог выставки. Т. 2. – М., 1977. – С. 106–108; *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. – М., 1975. – Рис. 212.
- ²⁰⁵ *Тиханова-Клименко М. А.* Резная костяная пластинка из Судака // Сообщения ГАИМК. № 3 март. – Л., 1931. – С. 21–25; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. – № 168. – 1970. – С. 27; *Даркевич В. П.* Указ. соч. – С. 276, илл. 393; *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв. – М., 1978. – С. 83.
- ²⁰⁶ *Goldschmidt A., Weitzmann K.* Die Byzantinischen Elfenbeinsulpturen des X–XIII. Jahrhunderts. Bd. I. Kästen-Berlin, 1930; *Пуцко В. Г.* Византийське пластичне мистецтво середньовічного Криму // Археологія. – № 4. – 2011. – С. 47.
- ²⁰⁷ *Пуцко В. Г.* Вказ. праця. – С. 47.
- ²⁰⁸ *Даркевич В. П.* Указ. соч. – С. 279–280.
- ²⁰⁹ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 91, рис. 59.
- ²¹⁰ *Львова З., Лесман Ю., Рябцева С.* Намисто // Церква Богородиці Десятинна в Києві. – К., 1996. – С. 204.
- ²¹¹ *Зоценко В. Н., Гончаров О.* Склянні вироби // Церква Богородиці Десятинна в Києві. – К., 1996. – С. 99.
- ²¹² *Івакін Г. Ю., Козюба В. К., Поляков В. С.* Поховання X–XI ст. на Михайлівській горі в Києві // Нові дослідження давніх пам'яток Києва. – К., 2003. – С. 97.

- ²¹³ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 104, рис. 78; Макарова Т. И. Комплекс украшений из разрушенного женского погребения около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // МАИЭТ. Вып. XI. – Симферополь, 2005. – С. 347.
- ²¹⁴ Львова З. А. Указ. соч. – С. 329–330.
- ²¹⁵ Артамонова О. А. Могильник Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. – МИА. – № 109. – 1963. – С. 115, рис. 80: 1, 2.
- ²¹⁶ Петровский В. А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 90, рис. 7: 5; Ачкинази И. В., Петровский В. А. Работы Баклинской экспедиции // АИК 1994 г. – Симферополь, 1997. – С. 33, рис. 25, 6; Петровский В. А., Труфанов А. А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993–1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1995. – С. 136–142.
- ²¹⁷ Добролюбовский А. О. Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья. – К., 1986. – С. 116, табл. X: 2.
- ²¹⁸ Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). – Казань, 2005. – 279 с.
- ²¹⁹ Захаров С. Д., Кузина И. Н. Торгово-экономические отношения Руси и Волжской Болгарии (по материалам средневековых памятников Русского Севера) // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. – М., 2010. – С. 28.
- ²²⁰ Дончева-Петкова Л. Одърци. Некрополи... – С. 84.
- ²²¹ Захаров С. Д., Кузина И. Н. Указ. соч. – С. 32.
- ²²² Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 106, рис. 80, 9.
- ²²³ Артамонов М. И. Указ. соч. – С. 60; Артамонова О. А. Указ. соч. – С. 129.
- ²²⁴ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Труды ГИМ. – Вып. 33. – 959. – Прил. V, рис. 6: 11; Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. – Л., 1981. – С. 64, рис. 49: 6.
- ²²⁵ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 101, рис. 72, 3; Макарова Т. И. Боспор-Корчев ... – С. 133, табл. 47: 2.
- ²²⁶ Полубояринова М. Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. – М., 1988. – С. 186, рис. 8, 4.
- ²²⁷ Церква Богородиці Десятинна в Києві. – К., 1996. – С. 168.
- ²²⁸ Майко В. В. Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 236, рис. 14, 3–6.
- ²²⁹ Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. Этапы этнокультурной истории. – М., 1992. – С. 307, рис. 103, 17; Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-камье ... – С. 78, рис. 2, Б 1.
- ²³⁰ Бонев С., Дончева С. Указ. соч. – С. 274, табл. XXXII, 208–210.
- ²³¹ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 34, рис. 22, 2.
- ²³² Андреева О. А. Костяные изделия из цитадели Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.) // МАИЭТ. Вып. XVII. – Симферополь; Керчь. 2011. – С. 421, рис. 1, 8.
- ²³³ Церква Богородиці Десятинна ... – С. 200, 50; Сергеева М. С. Вироби з кістки та рогу... – С. 137, рис. 11, 9–12, 15–19; Бадеев Д. Ю. Изделия из кости и рога с селища Мякинино I // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 4. – М., 2008. – С. 24, рис. 3, 2.
- ²³⁴ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 16, рис. 5а, 3–5.
- ²³⁵ Сергеева М. С. Деякі особливості орнаментики давньоруських виробів з кістки в Лісостеповому Придніпров'ї // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. – Чернівці, 1997. – С. 145.
- ²³⁶ Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. – М., 1988. – С. 232; Васильев Д. В. Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. – Астрахань, 2001. – С. 54, рис. 4, 8, 9; Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии ... – С. 181, рис. 65, 40, 41; Винничек В. А., Киреева К. М. Косторезное дело на территории верхнего Посурья и Примокшанья в средние века (по материалам памятников XI – XIV вв.) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Том. 2. – Пенза, 2008. – С. 159; Шалобудов В. Н. Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепрпетровск, 1990. – С. 107; Круглов Е. В. О некоторых особенностях погребального обряда Огузов // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. – Астрахань, 2001. – С. 59–60; Руденко К. А. К вопросу об огузских древностях в Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. – Астрахань, 2001. – С. 57–58; Фехнер М. В. Изделия косторезного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. – М., 1963. – С. 41, рис. 23, 13.

- ²³⁷ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков ... – С. 65, табл. 17: 4, 9.
- ²³⁸ Spiney V. The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 6. – Danvers, 2009. – P. 471, fig. 33, 2.
- ²³⁹ Aricescu A. Noi date despre cetatea de la Hîrşova // Pontica. – № 4. – 1971. – P. 363, fig. 12.
- ²⁴⁰ Сергеева М. Кістяні та дерев'яні вироби з колекції «Десятинна церква» у збірці НМІУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві. – К., 1996. – С. 101; Сергеева М. С. Древнерусские костяные полусферические пуговицы из Киева // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников шестнадцатого colloquium (15–20 октября 2007). СПб., 2007. – С. 83–85.
- ²⁴¹ Шовкопляс А. М. Некоторые данные о косторезном ремесле в древнем Киеве // КСИА АН СССР. – Вып. 3. – 1954. – С. 28.
- ²⁴² Сергеева М. С. Косторізна справа у давньому Колодяжині // Археологія. – № 3. – 2012. – С. 121–122.
- ²⁴³ Шпилев А. Г. Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII – конец X вв.) // Stratum plus. Ремесло археолога. № 5. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2010. – С. 234, рис. 6, 12.
- ²⁴⁴ Сергеева М. Кістяні та дерев'яні вироби з колекції «Десятинна церква» ... – С. 101.
- ²⁴⁵ Сергеева М. С. Косторізна справа у давньому Колодяжині ... – С. 121, рис. 4, 1.
- ²⁴⁶ Романчук А. И. Изделия из кости в средневековом Херсоне ... – С. 90, рис. 4, 80–82; Шаманев А. В. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсонесе: по материалам раскопок портового квартала 2 // АДСВ. – Вып. 28. – Свердловск, 1997. – С. 54.
- ²⁴⁷ Станчева М. За някои технологични традиции в обработката на кост през средните векове // Българските земи през средновековието (VII–XVIII в.). АМВ III–2. – Варна, 2005. – С. 135–142.
- ²⁴⁸ Романчук А. И. Изделия из кости в средневековом Херсоне ... – С. 91.
- ²⁴⁹ Borisov B. Op. Sit. – P. 98, fig. 104; Шаманев А. В. Указ. соч. – С. 54–55; Станчева М. Указ. соч. – С. 135.
- ²⁵⁰ Davidson G. R. The minor objects // Corinth. Vol. XII. – Princeton, New-Jersey, 1952. – Nos. 2584–2588.
- ²⁵¹ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 101, рис. 72, 4, 6, 7, 9.
- ²⁵² Макарова Т. И. Боспор-Корчев ... – С. 133, табл. 47: 3.
- ²⁵³ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье ... – С. 108, рис. 56.
- ²⁵⁴ Залеская В. Н. Прикладное искусство Византии // Православная энциклопедия. Т. VIII. – М., 2004. – С. 339–350.
- ²⁵⁵ Пуцко В. Г. Вказ. праця. – С. 45.
- ²⁵⁶ Пуцко В. Г. Вказ. праця. – С. 54.
- ²⁵⁷ Майко В. В., Джанов А. В., Фарбей А. М. Энколпионы Сугдеи // Боспорские исследования. Вып. XXIII. – Симферополь; Керчь, 2010. – С. 495–508; Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Крест-реликварий XII – начала XIII века из могильника в пригороде золотоордынского города Солхата (Крым) // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. – СПб., 2006. – С. 53–62.
- ²⁵⁸ Залеская В. Н. Прикладное искусство // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. – СПб., 1994. – С. 114.
- ²⁵⁹ Яшаева Т. Ю. Сакральная сущность энколпионов: реликварий – крест – икона // Символ в религии и философии. – Севастополь, 2005. – С. 203; Залеская В. Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X–XI веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ. IV–XVI вв. – Л., 1988. – С. 98; Залеская В. Н. Прикладное искусство... – С. 114–115.
- ²⁶⁰ Дончева-Петкова Л. За някои типове кръстове-енколпиони от Добруджа // Добруджа. № 8. – Добрич, 1991. – С. 53, табл. I, 16; Атанасов Г., Йотов В. Кръстове-енколпиони и медальони от ранносредновековиата крепост до с. Цар-Асен, Силистренско // Добруджа. № 6. – Добрич; Силистра, 1989. – С. 89–90.
- ²⁶¹ Куницький В. А. Близькосхідні енколпиони на території південної Русі // Археологія. – 1990. – № 1. – С. 106–116.
- ²⁶² Пескова А. А. Традиции изображения святых на византийских крестах-реликвариях // Archeologia Abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. – М., 2009. – С. 302.
- ²⁶³ Тимашикова Т. Г. Кресты-энколпионы XI–XIV вв. из собрания Одесского археологического музея // Северо-западное Причерноморье – контактная зона древних культур. – К., 1991. –

- С. 122, рис. 2, 5; *Пескова А. А.* Св. Николай Мирликийский в иконографической программе древнерусских энколпионов XI–XIII вв. // *Stratum plus*. № 6. – СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2000. – С. 267, рис. 1, 1; *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. – СПб., 2003. – С. 53.
- ²⁶⁴ *Баранов И. А.* Торгово-ремесленные кварталы византийской Сугдеи // *Byzantinogussica*. Византиноруссика. № 1. – М., 1994. – С. 55, рис. 6, 1.
- ²⁶⁵ *Фронджуро М. А.* О работе Судакского отряда Северо-Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1975–1976 годах // Сугдейский сборник. Вып. IV. – К.; Судак, 2010. – С. 584, рис. 9.
- ²⁶⁶ *Музракевич Н.* Донесения Обществу // ЗООИД. Т. VIII. – Одесса, 1872. – С. 321.
- ²⁶⁷ *Byzance*. L'art byzantin dans les collections publiques françaises. Musée du Louvre. – Paris, 1992. – P. 441–442, № 334.
- ²⁶⁸ *Воронцова Л. М.* Византийские камни из ризницы Троице-Сергиевой Лавры // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. – СПб., 2006. – С. 13, ил. 2; цветн. вклейка I.
- ²⁶⁹ *Банк А. В.* Указ. соч. – С. 200; *Bank A.* Sur le probleme de la glyptique italo-byzantine // *Rivista di Studi bizantini e slavi: Miscellanea A. Pertusi*. Т. III. – Bologna, 1981. – P. 311–318.
- ²⁷⁰ *Die welt von Byzanz* – Europas Östliches erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur. Herausgegeben von Ludwig Wamser. – München, 2004. – P. 183, № 245; *Дончева-Петкова Л.* Одръци. Некрополи... – С. 342, табло XCII, 6.
- ²⁷¹ *Ханенко Б. И. и В. Н.* Древности русскія: Кресты и образки. Вып. 1. – Киев, 1899. – Табл. VI, 79; *The Odessa Museum of Numismatic* 2000, № 6; *Die welt von Byzanz* – Europas Östliches... – С. 182, № 240.
- ²⁷² *Атанасов Г., Дончева С.* Свинцовые медальоны с изображением крестов эпохи Первого Болгарского царства (IX–XI вв.) // *Stratum plus* № 6. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2011. – С. 93–113.
- ²⁷³ *Седова М. В.* Украшения из меди и сплавов с. 300, табл. 54, 18.
- ²⁷⁴ *Седова М. В.* Украшения из меди и сплавов с. 285, табл. 39.
- ²⁷⁵ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 103, рис. 75, 10.
- ²⁷⁶ *Ивакин Г. Ю., Степаненко Л. Я.* Указ. соч. – С. 94, рис. 14: 1; *Сагайдак М. А.* Указ. соч. – С. 1991, с. 39, рис. 18: 2; *Петрашенко В. О.* Давньоруське село за матеріалами поселення в Канівському Подніпров'ї // *Археологія*. – № 2. – 1999. – С. 70, рис. 7: 3.
- ²⁷⁷ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 90, рис. 58, 3.
- ²⁷⁸ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 101, рис. 72, 5.
- ²⁷⁹ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода... – С. 146, рис. 57, 11.
- ²⁸⁰ *Адамов А. А.* Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск, 2000. – С. 226, рис. 79, 8, 9.
- ²⁸¹ *Баранов И. А.* Застройка византийского посада... – С. 105, рис. 3: 9.
- ²⁸² *Харузин А.* Древние могилы Гурзуфа и Гугуша (на южном берегу Крыма). – М., 1890. – С. 101, № 10.
- ²⁸³ *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства // *Archeologia Abgachamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама*. – М., 2009. – С. 162–163.
- ²⁸⁴ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода... – С. 40 рис. 14, 1; *Жилина Н. В.* Указ. соч. – С. 89, рис. 57, 12.
- ²⁸⁵ *Плетнева С. А.* Древнерусский город в кочевой степи. – Воронеж, 2006. – Рис. 83, 2.
- ²⁸⁶ *Дончева-Петкова Л.* Одръци. Некрополи... – С. 96, обр. 6, 139₁.
- ²⁸⁷ *Кайль В. А., Нечитайло В. В.* Каталог нательных христианских крестов, подвесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X–XIII века. – Луганск, 2006. – С. 83, № 745.
- ²⁸⁸ *Крестови од VI до XII века из збирке Народног музеја Београд*. – Београд, 1987. – С. 19–20; *Кузьминов А. В.* Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале // Сугдейский сборник. Т. I. – К.; Судак, 2004. – С. 446.
- ²⁸⁹ *Spinei V.* Les relations de la Moldave avec le Byzance au premier quart du IIe milliaire ala lumière des sources archeologiques // *Dacia XIX*. – Bucuresti. – 1975. – P. 237.
- ²⁹⁰ *Крестови од VI до XII века*... – С. 19, № 60–61; *Кутасов С. Н., Селезнёв А. Б.* Нательные кресты, крестовключённые и крестовидные подвески X–XV веков. – М., 2010.
- ²⁹¹ *Бабић Б.* Материалната култура на македонските Словени во светлината на археолошките истражувања. – Прилеп, 1985.
- ²⁹² *Кузьминов А. В.* Указ. соч. – С. 444–446.

- ²⁹³ *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 233, рис. 13, 9, 17.
- ²⁹⁴ *Майко В. В.* Християнські реліквії Візантійської Сугдеї // Бюлетень. 1 (10). – Львів, 2008. – С. 34–35, кольорова вклейка;
- ²⁹⁵ *Гукин В. Д.* Фрагмент стеатитовой иконы рубежа XI–XII веков из предместья средневекового Солхата // Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ. Т. XLII. – СПб., 2008. – С. 342–350.
- ²⁹⁶ *Романчук А. И.* Две стеатитовые иконки из портового района Херсонеса. К вопросу о месте и времени изготовления // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. – СПб., 2006. – С. 137–143.
- ²⁹⁷ *Рыжов С. Г., Яшаева Т. Ю.* Бронзовые осветительные приборы христианских храмов византийского Херсона // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя и полис». Тезисы докл. и сообщ. IV Международного Византийского Семинара. – Севастополь, 2012. – С. 34–35.
- ²⁹⁸ *Беляев Л. А.* Византийская археология // Православная энциклопедия. Т. VIII. – М., 2004. – С. 232–252.
- ²⁹⁹ *Мурзакевич Н.* Греческое древнее кандило // ЗООИД. Т. III. – Одесса, 1850. – С. 565–566; *Мурзакевич Н.* Донесения Обществу... – С. 319–320; *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. Вып. 4. – СПб., 1891. – С. 35, рис. 28, 28а; *Залеская В. Н.* К вопросу о датировке некоторых групп сирийских культовых предметов (По материалам бронзового литья Эрмитажа) // Палестинский сборник. 1971. – Т. 23. – С. 86, рис. 2; *Архинова Е. И.* Бронзовое кадило из Судака в Одесском археологическом музее // ВВ. – Т. 67(92). – 2008. – С. 207–216; *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 208–209.
- ³⁰⁰ *Залеская В. Н.* К вопросу о датировке некоторых групп... – С. 88–90.
- ³⁰¹ *Залеская В. Н.* К вопросу о датировке некоторых групп... – С. 91.
- ³⁰² *Архинова Е. И.* Указ. соч. – С. 214.
- ³⁰³ *Armenia sacra.* Mémoire chrétienne des Arméniens (IVe–XVIIIe siècle). Sous la direction de Jannic Durand, Ioanna Rapti et Dorota Giovannoni. – Paris, 2007. – P. 209 № 78; p. 209–210 № 79, 80.
- ³⁰⁴ *Архинова Е. И.* Указ. соч. – С. 208–209.
- ³⁰⁵ *Мурзакевич Н.* Донесения Обществу... – С. 319–320; *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 236, рис. 14, 19, 21.
- ³⁰⁶ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 78, рис. 51.
- ³⁰⁷ *Белов Г. Д., Якобсон А. Л.* Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // МИА. – № 34. – М.; Л., 1953. – С. 153, рис. 42, б.
- ³⁰⁸ *Белов Г. Д., Якобсон А. Л.* Указ. соч. – С. 153.
- ³⁰⁹ *Byzans – Das Licht aus dem Osten: Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4. bis 15. Jahrhundert;* Katalog der Ausstellung im Erzbischöflichen Diözesanmuseum Paderborn. – Paderborn 2001. – P. 217, fig. II, 12.
- ³¹⁰ *Седикова Л. В.* Штампы для изготовления литургического хлеба из Херсонеса // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя и полис». Тезисы докл. и сообщ. IV Международного Византийского Семинара. – Севастополь, 2012. – С. 35–36.
- ³¹¹ *Крамаровский М. Г., Гукин В. Д.* Поселение Бакаш II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.) – СПб., 2006. – С. 298, табл. 178, 1, 2.
- ³¹² *Jastrzebovska E., Gerasimov V.* Brotstempel-Fund aus der Krim // Archeologia. – № LIX. 2008. – 2010. – P. 191–192.
- ³¹³ *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 220, рис. 8: 12; *Майко В. В.* Давньоруські знахідки X–XIII ст. ... – С. 313, рис. 1, 4, 6.
- ³¹⁴ *Сушко А. О.* Давньоруські писанки // Археологія. – № 2. – 2011. – С. 49.
- ³¹⁵ *Боровський Я. С.* Світогляд давніх киян. – К., 1992. – С. 109–111.
- ³¹⁶ *Шовкопляс Г. М.* Керамічні писанки з колекції Київського Державного історичного музею // Археологія. – № 35. – 1981. – С. 92–98.
- ³¹⁷ *Макарова Т. И.* О производстве писанок на Руси // Культура Древней Руси. – М., 1966. – С. 143–144.
- ³¹⁸ *Сушко А. О.* Вказ. праця. – С. 48.
- ³¹⁹ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 81, рис. 53.